

Виршке Сергей

18+

БОГИ ТОЖЕ
СМЕРТНЫ

Сергей Виршке
Боги тоже смертны

«Издательские решения»

Виршке С.

Боги тоже смертны / С. Виршке — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-683610-5

Спустя двадцать лет после последнего преступления остатки некогда могущественной банды «Серые Вороны» получают странное приглашение: вернуться в заброшенный древний город, где когда-то располагалась их база. Герои сталкиваются не только друг с другом, но и с мёртвым городом, чьи катакомбы хранят память о древней, исчезнувшей цивилизации. Кто построил этот город? Для чего? Там в подземельях города всё ещё живы тайны, которые лучше бы остались погребёнными. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-683610-5

© Виршке С.
© Издательские решения

Содержание

Предупреждение	6
Часть 1	7
Пролог	8
1. Возвращение к руинам	9
2. Старые тропы	13
3. Первая встреча	15
4. Исповедь	17
5. Вспомни кем ты был	20
6. Предложение Оломира	25
7. Встреча на болотах	31
8. Вглубь города	36
9. Игнат приехал	41
10. Грандиозное прибытие	45
11. Эльяр и её взгляд	48
12. Милена	50
13. Знакомство с Иваном Савичем	53
14. Терент	62
15. Воспоминания о прошлом	69
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Боги тоже смертны

Сергей Виршке

© Сергей Виршке, 2025

ISBN 978-5-0068-3610-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предупреждение

Все персонажи этой книги имеют собственные взгляды, мотивы и отношение к происходящему – порой противоречивые, резкие или даже вызывающие. Это сделано осознанно: история построена на столкновении характеров, внутренней борьбе и неоднозначных ситуациях.

В тексте присутствуют сцены насилия, морально тяжёлые эпизоды и столкновения идеологий. Всё это служит раскрытию мира и героев, а не стремлению шокировать или задеть читателя. Автор стремится показать живой, многослойный мир, в котором нет простых ответов, а каждый персонаж воплощает определённый выбор, опыт или внутренний конфликт.

Важно понимать: мнение героев не является мнением автора. Их поступки, слова и решения могут вызывать у читателя самые разные чувства – от сочувствия до отторжения. Все описанные события, действия, высказывания, религиозные или идеологические взгляды – это художественный вымысел, не имеющий цели кого-либо оскорбить, унижить или что-либо пропагандировать.

Если вы предпочитаете чтение без жёстких сцен и моральных дилемм, возможно, эта история окажется не самым комфортным выбором. Но если вы готовы погрузиться в мир, где каждое решение имеет цену, а герои живут на грани, – добро пожаловать.

Часть 1

Пролог

Когда-то здесь стоял город, чья слава простиралась далеко за пределы известных земель. Его имя ныне забыто, затеряно в песке времени. Только болотная трясина и чёрные стены, торчащие из тумана, ещё помнят его дыхание.

Этот город был возведён в эпоху, когда люди знали иное – не просто камень и сталь, но знали силу, которую ныне никто не способен даже описать. Сейчас он стоит на границе мира – окружённый топкими болотами, как бастионом, защищающим не людей, а нечто более древнее.

Сейчас – это мёртвый лабиринт. Лишь ветры гуляют по его улицам, а путники, случайно забредшие в болота, исчезают бесследно.

Сердце города – грандиозные сооружения, полуразрушенные, поросшие мхом, но даже сейчас навевающие страх. Высокие башни. Залы, где потолки поддерживают колонны, украшенные резьбой, изображающей неведомых существ с человеческими чертами и людей с головами животных.

Это были храмы? Арены? Обсерватории? Никто не знает. Слишком многое в них не поддаётся пониманию.

Под городом – катакомбы, система подземных залов и ходов, простирающихся глубже, чем можно представить. Там, внизу, в самой глубине подземелья прячется нечто старше самого города.

Секретные камеры, тупики, шахты, ведущие вниз на десятки метров, огромные подземные залы, стоящие здесь веками. Массивные плиты, которые нельзя сдвинуть, и каменные мосты, перекинутые через подземные каналы – всё здесь говорит о высоком интеллекте тех, кто всё это построил много веков назад.

Заброшенный город был удобным укрытием для тех, кто хотел остаться незамеченным, он был идеальным тайником для банды, скрывающей награбленное. Здесь не ходили люди, не было дорог, и даже скотина обходила место стороной. Для банды он стал естественным тайником: скрытым, забытым, надёжным. Их усилиями поддерживался статус этих руин – «гиблое место» – говорили местные.

Своё убежище они устроили в нескольких зданиях на восточной границе города.

Глубже в лабиринты улиц, ближе к центру величественного города не решались заходить даже они. Там было тихо. Слишком тихо. И всё, что осталось от прошлого, лежало в этих стенах, молча, будто ждало, когда его потревожат...

Теперь, двадцать лет спустя, они возвращаются.
Некоторые из них. Или не только они.

1. Возвращение к руинам

Семён молча перевернул полено в костре. Оно зашипело, выпуская струйки пара.

Федька сидел напротив, скрючившись и подложив под себя старый потёртый плащ. Этой весной ему исполнилось семнадцать. Сирота с малых лет, он вырос под присмотром деревенских старух, пока Семён не взял его в подмастерья. Три года он учился у кузнеца: дул мехи, подносил уголь, держал железо, пока не привык к жару, гулу молота и суровому молчанию своего мастера.

Весь вчерашний день Семён был странно тих. Ходил, нахмурившись, и долго молчал, не замечая ничего вокруг. Федька был смыслённый: знал, что, когда мастер замыкается в себе, лучше не задавать лишних вопросов. Но сейчас, под звуки потрескивающего огня, молчание стало почти невыносимым.

– Вы точно уверены, что мы... что нам туда? – сдержанно спросил он и кивнул подбородком в сторону руин, чьи силуэты громоздились в сумерках за их спинами. – Какое-то жуткое место.

– Да, место неприветливое, – хмыкнул Семён, не поднимая глаз.

Федька сглотнул. Любопытство боролось в нём со страхом.

– А что тут было? – не удержался он. – Вы же... были тут раньше, да?

– Был.

– И?... – выдохнул Федька.

Семён потянулся к фляге, отпил воды. Говорил медленно, будто вспоминал неохотно, через силу:

– Многое из моей молодости связано с этим местом. Здесь порой происходило такое что, будь у меня такая возможность... я бы давно вычеркнул из памяти. Только голова – не стена. Написанное не сотрёшь.

Федька молчал. В огне треснул сучок.

– Нас тогда было больше, – продолжал Семён. – Много. И все мы были... другие. Моложе. Злее. Глупее. И сильнее духом, наверное.

Он вздохнул:

– Думали, смерть – это где-то там, далеко. Что нам всё можно.

Он уставился в огонь, словно видел в нём те дни.

– А потом произошли некие события, погибли многие – почти все. И стало ясно: не всё нам можно. И стало ясно, что сами мы, каждый по отдельности, – мы просто ноль, ничто. Только уже было поздно.

– Вы боитесь?

Семён фыркнул:

– Боюсь? Нет. Но есть вещи, к которым не хочется возвращаться. Даже если они давно лежат в камне и пыли. Особенно если это вещи, показывающие твою собственную неприглядную сущность. В моём прошлом есть тёмные периоды, есть поступки, за которые мне стыдно, есть недосказанность по некоторым вопросам...

– И всё-таки... зачем мы здесь? – осторожно спросил Федька. Он знал: разговорить Семёна – дело непростое. Но если уж мастер заговорил – значит, внутри кипит, значит, слова сами рвутся наружу. Теперь можно было спрашивать – смело, пока не замкнулся снова.

Семён помолчал, потом вдруг спросил:

– А слышал ли ты, Фёдор, о банде, что называли себя «Серые Вороны»?

– Конечно слышал! А разве... это не сказка?

– Из того, что ты мог слышать, – по большей части действительно сказка. Где-то преувеличение, где-то чистая выдумка для особо впечатлительных. Но банда такая существовала. И, чего уж таить – всё равно узнаешь... Я был её членом.

Федька уставился на него, глаза расширились:

– Вы... были в банде?! Говорят, Серые Вороны отбирали деньги у богатеев и раздавали бедным!

Семён усмехнулся:

– Вот это как раз – выдумка. Красивая, удобная. А правда... не такая героическая. Мы брали у тех, у кого было что взять... И бедным отдавать? – нет, это не про нас. Мы делили между собой. Кто как заслужил.

– И... убивать приходилось? – почти шёпотом спросил Федька.

– Я участвовал в налёте всего один раз. Оломир, наш главный, сказал тогда, что я бесполезен в этом деле. Мол, махать кувалдой в кузне у меня выходит куда лучше, чем размахивать мечом. И, знаешь... он был прав. С тех пор я в налётах не участвовал. Не моё это. Я делал оружие. Обмундирование. Уход за железом. Моя доля добычи зависела от того, насколько хорошо и вовремя всё было подготовлено.

...Огонь потрескивал. Федька заметил, что Семён достаёт из внутреннего кармана куртки лист бумаги, сложенный вчетверо. Он развернул его аккуратно, как будто боялся порвать. Бумага была плотная. Чернила – чуть расплывшиеся. Почерк – чёткий, без украшательства, но уверенный.

– Вот, прочти это, – сказал кузнец, протягивая письмо.

Федька аккуратно взял бумагу и прочитал вслух:

Семён.

Если ты ещё помнишь, где лежит пыль на чести – приходи.

Город, который ты не хочешь видеть, всё ещё ждёт тебя.

*Здесь кое-что осталось. То, что и тебе принадлежит – если осмелишься взять.
Приезжай. Или не приезжай.
Мы всё равно соберёмся.
Поделим, как сочтём нужным. Без тебя – значит, без тебя.
Если хочешь правды, если хочешь разглядеть её сквозь туман прошлого,
будь у входа до полудня в последний день весны.*

Подписи не было.

Фёдор поднял глаза:

– Кто это написал?

– Я тоже хотел бы это знать! Письмо передал этот парнишка... как его зовут, всегда забываю – рыжий – ну, ты его знаешь. Сам-то он только посыльный. Заказчика он не видел.

– Но вы всё равно поехали?

– Потому что... кое-что в этом письме напомнило прошлое.

Он замолчал, потом добавил:

– А ещё потому, что если кто-то и впрямь собрался делить то, что мы тогда...

Он не договорил, стиснул челюсть, и только огонь отразил боль во взгляде:

– ...то я хочу знать, кто решился снова вскрыть старую рану.

– Ну, если тут собираются что-то делить, то глупо отказываться от своей доли, верно? – произнёс задумчиво Фёдка. – Золото лишним не бывает.

Семён сложил письмо и убрал его обратно:

– Это просто чья-то злая шутка, я уверен... Оломир погиб. Золото с последнего дела сгнуло вместе с ним. А золото из бандитской казны... оно исчезло. Просто пропало. Было много – и вдруг ничего не осталось. Вот и разбежались кто куда.

Семён снова посмотрел в сторону ворот:

– Уже тогда делить было нечего. С тех пор прошло двадцать лет. С чего бы сейчас всё изменилось, а?

– А если всё же осталось?..

– Просто... если это розыгрыш, я хочу знать, кто этот весельчак. Такие шутки могут привести к серьёзным последствиям. Именно поэтому я не мог не вернуться. Мне нужно вразумить некоторых людей не совершать непоправимых поступков. Нельзя допустить новое кровопролитие.

Фёдка опустил глаза в огонь:

– Мне как-то не по себе, мастер...

– Мне тоже, – сказал Семён тихо. – Так и должно быть. Мы ведь живые люди, не истуканы какие-нибудь.

Федька долго молчал. Потом спросил:

– А кто остальные?

– Скоро узнаешь. А как узнаешь, так захочешь сбежать отсюда. Напоминаю: ты сам за мной увязался, я тебя сюда не тянул.

И в этот момент над болотом раздался первый звук – стук копыт.

Семён выпрямился. Фёдор встал рядом.

Из тумана показались две тени на лошадях.

– Вот и первые, – сказал кузнец.

2. Старые тропы

Болото дышало гнилым туманом, поднимавшимся от воды. Воздух был густым и пах не просто сыростью – он пах смертью.

Над головой – густой серый полог облаков, сквозь который едва пробивался свет.

Два всадника продирались сквозь болота – медленно, но неотвратно. Один – взрослый, с суровым лицом и ледяным взглядом. Второй – молодой, сдержанный, напряжённый, внимательно следивший за каждым движением наставника.

Терент знал эти болота. Он мог бы пройти по ним с завязанными глазами – память тела вела его сама. Это для посторонних болота несли неминуемую смерть, но для них, для Серых Воронов, болота были спасением, убежищем. Двадцать лет назад они ходили здесь не раз: с добычей, с кровью на клинках, с проклятиями за спиной. Они знали тропы, где хлюпанье под копытами было чуть менее злое. Они знали, как слушать землю под ногами, понимали, где земля дрожит предательски, а где выдержит вес всадника.

Для чужака это место было смертельной ловушкой. Но Терент не был чужаком.

Он не стал бы притворяться, будто тогда, двадцать лет назад, он был кем-то иным. Он не искал оправданий и не обелял в собственных глазах ни себя, ни других. Он был бандитом. Грабителем. Убийцей. Но он был первоклассным бандитом – если слово «первоклассный» вообще уместно в таком деле. Терент был быстрым, сильным, беспощадным. Даже спустя двадцать лет он сохранил хватку, скорость, ловкость. Тогда он был чуть ли не самым опасным членом банды. Так он считал тогда и так он считает и сейчас. Ну разве что Оломир, да ещё буквально несколько человек могли составить ему конкуренцию. Многие уважали его. Или опасались. Для Терента разницы не было.

Теперь он возвращался. Всё тот же. Старше – да. Уставший – возможно. Но не менее опасный, чем раньше.

Чем ближе они были к месту встречи, тем явственнее Терент ощущал дыхание прошлого. Странное письмо, которое он получил, вынудило его вновь вернуться в эти места. Письмо было слишком точным, слишком личным. Автор знал, что сказать. Знал, кого звать и куда. И Терент не смог его проигнорировать. В письме говорилось о золоте – о большей его части, которая должна по праву достаться Теренту. И, чёрт возьми, Терент был с отправителем письма согласен. Кто достоин этого больше, чем он? Кто из них рисковал больше, чем он в каждом набеге? Кто ещё, кроме него, чистил кровью путь для остальных? Вот только кто этот смельчак, что рискнул ворошить прошлое? Кто знает достаточно много о тех днях и о тайнике с золотом? Это явно кто-то из членов банды. Но почему сейчас? Почему спустя двадцать лет? Если золото осталось никем не тронутым, то почему не забрать его тихо? Зачем звать остальных? Или это ловушка? Испытание? Игра?

Слишком много вопросов, на которые Терент намеревался получить ответы.

Эльяр – молодой парень, которого он взял с собой, проявлял неплохую выносливость в этом пути, был внимателен и сдержан – всё как учил его Терент. Он был доволен. Годы воспитания не прошли даром, Эльяр всё больше напоминал мужчину – таким, каким он и должен

быть в представлении Терента. Он вытащил его из обгоревшей деревни. Ему тогда было на вид года три. Родители мальчика погибли. Терент подобрал его и воспитывал как сына. Но сыном никогда не называл и отцом запретил себя называть. Между ними не было ложной близости – только правда.

Наконец впереди, из объятий туманной дымки, стали вырисовываться очертания древних руин. Ещё через некоторое время показалась знакомая арка ворот и небольшой костёр возле неё.

У костра, рядом с остатками ворот, уже стояли двое. Смотрели на новоприбывших. Один – широкий в плечах, с руками, как у медведя. Второй – мальчишка, должно быть его подмастерье. Или сын? Кто знает.

Терент узнал с одного взгляда.

– Семён... – подумал он, не скрывая усмешки. – Столько лет прошло – а вот на золото аппетит остался.

Кузнец. Надёжный, сильный – но чужой. Не убивал. Не грабил. Ковал железо. Терент не любил Семёна. И уважения к нему не испытывал. Он не понимал, зачем вообще Оломир держал этого увальня в банде. Пару раз Терента посещали мысли как-нибудь расправиться с Семёном, но, так как кузнец не доставлял ему особых неудобств, то и затею эту он оставил. Тот был частью банды, но не вороном. Придатком. Приспособлением. И всё же – он здесь. Значит, хочет своей доли. Не проливал крови, но надеется на золото.

«Пусть надеется», – подумал Терент, спрыгивая с седла.

Под ногами захрустели ветки. Ветер прошёлся сквозь руины, словно напоминание: всё, что они забыли – возвращается. Костёр потрескивал, и свет его играл на лице Семёна, делая его старше, чем он был.

Прошрое подбиралось ближе. Оно уже дышало в лицо.

И Терент был готов взглянуть ему в глаза.

3. Первая встреча

Они появились на дороге, когда всё вокруг затаилось в предвечернем покое. Семён выпрямился, взглянул в сторону прибывших. Рядом Федька тоже прищурился. Шли верхом – двое. Один – широкоплечий, с прямой спиной и выправкой человека, не привыкшего ждать. Второй – моложе, стройнее, но двигался с той же сосредоточенной уверенностью. Оба были будто выточены из одного камня – простые, крепкие, сдержанные.

Когда они подошли ближе, Федька сразу заметил броню: лёгкую, пригнанную плотно, не мешающую ни шагу, ни удару. Мечи висели низко, удобно. Щитов не было – это насто-рожило. Щиты обычно берут те, кто готов обороняться. Эти – нет. Эти, кажется, привыкли наступать. Им, похоже, щит бы только стеснял движения.

В них чувствовалась скрытая угроза – не прямая, не нарочитая, но плотная, ощутимая. Как будто в каждом из них сжата пружина, готовая в любой момент распрямиться. Они дви-гались спокойно, но в этом спокойствии была настороженность, как у хищника, который ко всему готов.

Первым спрыгнул старший. В каждом его движении была нехитрая сила и лёгкость, несмотря на возраст.

– Семён, – приветствовал он без выражения.

– Терент, – ответ прозвучал так же сухо.

Они кивнули друг другу – и всё. Ни вражды, ни привета. Как будто встретились не старые соратники, а два камня на одной тропе: каждый стоит сам по себе.

– Это мой сын, – добавил Терент и чуть отступил в сторону.

Юноша шагнул вперёд. Высокий, но не громоздкий, он держался ровно. Его взгляд на мгновение скользнул по лицу отца, когда тот назвал его сыном. Почти незаметный поворот головы, доля секунды. Но Федька заметил. Что-то в этом взгляде было... странное. Мимолёт-ное удивление, что ли. Как будто он проверял – не послышалось ли ему? Или просто слово, сказанное для других, для тех, кому не положено знать подробностей?

– Эльяр, – произнёс он и, подойдя, протянул руку. Сначала Семёну, потом – Федьке.

Федька немного смутился, но пожал руку – тёплую, твёрдую. Никакой высокомерной снисходительности – только уважение. Терент, заметив это, нахмурился. Его взгляд потяжелел, но он ничего не сказал.

– А этот твой? – коротко кивнул он на Федьку.

– Подмастерье. Фёдор. Ученик.

Терент не ответил, даже не хмыкнул. Осмотрел окрестности – как человек, привыкший сначала проверять, где западня, а где путь к отступлению.

– Ну что, располагаемся. Эльяр, ставим палатки, – произнёс он, уже направляясь к лошадям.

– Да, – кивнул юноша и пошёл за ним.

И вдруг, не оборачиваясь, Терент бросил через плечо:

– Тоже письмо получил?

– Да, – отозвался Семён. – Похоже, кто-то нас всех собирает для чего-то.

– Ага, как овец на бойню, – усмехнулся Терент без веселья. – Посмотрим, кто пастух.

Он больше ничего не сказал. Только занялся сбруей, будто именно в этих движениях и находил опору. Как будто палатка – всё, что он сейчас готов признать за смысл.

Федька молча наблюдал. Чувствовал, как воздух становился плотнее, тяжелее. Терент прибыл – и вместе с ним прибыл ветер чего-то тревожного. Он был не врагом, не другом – но и безучастным не казался.

Как будто знал больше, чем сказал.

4. Исповедь

Церковь была пуста. Свет пробивался сквозь узкие окна и ложился длинными, холодными лентами на каменный пол. Воздух был неподвижен, наполнен запахом ладана и старого дерева. Игнат сидел в исповедальне, усталый, полусонный. В последние дни исповедей стало меньше, а те, что были, всё больше касались мелочных тревог.

Он вздохнул и потер виски. И всё же, когда дверь отворилась и в храм вошёл человек, он собрался. Фигура скользнула в полумраке, уверенно подошла и исчезла за перегородкой исповедальни.

– Говорите, – произнёс Игнат устало, привычным голосом. – Господь слышит каждого.

Несколько мгновений – тишина. Только гулкое дыхание другого человека за тонкой деревянной решёткой.

– Мне... трудно начать. Я не знаю, зачем пришёл. Наверное, устал.

Игнат закатил глаза, но вслух произнёс мягко:

– Усталость души – знак, что пора облегчить её. Покайтесь. Господь милостив.

Пауза. Лёгкий скрип, будто человек опёрся о перегородку, приблизившись.

– Я... давно не был собой. Я стал другим. Люди вокруг знают меня как честного, уважаемого человека. Но я живу с ложью. С каждым годом мне всё тяжелее.

Игнат перестал водить пальцем по четкам. Голос был странный: не умоляющий, не растерянный – скорее, напряжённый. В нём была решимость.

– Я... не знаю, с чего начать. Слишком много всего, – продолжил голос.

– Каждый грешит. Но Господь не требует совершенства – лишь раскаяния, – сказал Игнат, чувствуя, как в голос проникает механическая успокоенность. – Начните сначала.

– Я грешил, и немало... Было много боли... и крови. Были невинные люди. Те, кто не должен был пострадать, но пострадал. Я пытался забыть, оправдать себя, но не смог.

– Бог прощает каждого, кто кается. Не бойтесь. Расскажите всё как было.

– Я долго думал, что же было самым страшным в моей жизни. Не убийства, не кражи... хотя, и они жгут мне душу. Нет. Хуже всего – предательство. Я предал своих. Я... поступил, как Иуда.

Игнат замер. А затем, сдержанно, но настойчиво повторил:

– Продолжайте.

– Я был... вором. Разбойником. Когда-то у нас была своя шайка. Мы грабили, убивали. Я был среди них, такой же, как и они – злой, жадный, голодный до власти и крови. Тогда мне казалось, что это и есть настоящая жизнь. Свобода, сила, страх в глазах других.

Но потом... что-то изменилось. Где-то глубоко внутри. Может подействовали чьи-то умяляющие глаза перед смертью. Может, просто усталость. А может – сам Господь потихоньку достучался сквозь скорлупу ярости и тупой бравады.

Я начал видеть иначе. Каждый налёт, каждый крик, кровь на руках – всё это стало не подвигом, а проклятием. Я понял: я не просто грешу. Я уже давно пропал. И тащу других за собой. Это чувство сидело во мне, как змея, свернувшаяся клубком. И с каждым днём становилось всё труднее делать вид, что её нет.

И я решил... положить конец.

Игнат напрягся. Руки его слегка дрогнули.

– Но не просто уйти. Я хотел... спасти их. Я захотел вытащить и остальных. Дать им шанс. Сохранить их души. Я рассказал о них. Властям. Подробно изложил время и место следующего набега. Убедил себя, что это правильно.

Господь хотел этого, верно?

Игнат слушал это затаив дыхание. Сердце колотилось в груди. Его охватили страх и волнение, будто стены исповедальни стали теснее, а воздух – гуще. Он понял, что слышит нечто большее, чем обычную исповедь. Что-то внутри уже начинало дрожать.

– Но... – продолжал исповедуемый. – Это я раньше так думал. Думал, что действовал ради них, ради спасения душ. Но годы прошли, и теперь... теперь я всё яснее понимаю: не забота о них тогда мною двигала. А вознаграждение. Большое. Очень большое. Я просто продал их. За золото. За покой. За новую жизнь.

Игнат вцепился в подлокотники. Веки дрожали. Воспоминания, которые он столько лет старался задвинуть на задворки сознания, вдруг вырвались наружу. Замоленные, вытесненные, стертые временем грехи вновь ожили – и вцепились в него стальной хваткой. Но теперь к ним примешивался новый страх. Страх разоблачения. Страх, что всё, что он выстраивал столько лет, может рухнуть в одночасье. У него перехватило дыхание. На мгновение он забылся, провалился в собственный ужас – и не сразу пришёл в себя.

– Как... вас зовут? – спросил он почти шёпотом.

Молчание.

– Имя! – голос сорвался. – Скажи, кто ты!

Ответа не последовало.

Игнат резко распахнул дверцу, выскочил и подбежал к соседней кабинке. Дверца покачнулась...

Пусто. На скамье – сложенный листок.

Игнат схватил его дрожащими пальцами. Сердце колотилось как бешеное. Его мутило. Горло сдавило судорогой. Он узнал. Узнал, ведь это было – его прошлое. Его тайна.

Тайна, которую он хранил двадцать лет.

Пальцы развернули листок. Чёрные чернила:

Ты ведь любишь исповеди, святой отец? Особенно чужие. Ну что ж – вот так могла бы выглядеть твоя.

Господь всё ещё милостив. А вот старые знакомые – не всегда. Так что не опаздывай.

Место встречи ты знаешь. Оно навсегда осталось там, где ты закопал свою совесть. Возвращайся в последний день весны. Там тебя будут ждать.

Не придёшь – расскажу другим, как ты «спасал» их души. У них, в отличие от Господа, отличная память. Интересно, кто из них первым найдёт тебя и исповедует по-своему?

Уверен, они тебя выслушают... особенно когда речь пойдёт о золоте и предательстве.

Даже на бумаге сквозила усмешка. Холодная. Издевательская.

Игнат опустил на скамью. Пальцы сжались в кулаки. Всё внутри него боролось – злость, страх, унижение, растерянность.

Кто это был? Кто знал? Почему сейчас?

«Бог простит...» – эхом отозвалась его же фраза в голове, но теперь она звучала жалко, фальшиво.

Он медленно поднял голову. Через витраж падал свет, вычерчивая алые полосы на стене.

Мысли метались, как птицы, забившиеся в клетку. Вернуться туда – всё равно что подписать себе приговор. Они прикончат его там же. С другой стороны, если они хотят расправы, то почему не сделали это здесь? Значит тут что-то другое.

Почему он должен верить, что его тайна останется в секрете если он выполнит условия?

Он знал – сидеть и ждать, гадая, когда и как оно грянет... это медленная пытка. Изматывающее, липкое напряжение, способное свести с ума. Там, на месте, может быть, будет шанс. Маленький, зыбкий – но шанс. Поговорить. Убедить. Вывернуться, как-то спастись...

А может податься в бега? Исчезнуть? Сменить имя? Но он уже знал ответ. Не получится. Если уже нашли однажды – найдут снова.

Он снова опустил глаза. Взгляд его был тяжёлым, и в нём мерцало не решение, а тупик. Мысли не давали покоя.

Вернуться – это шаг в бездну. Но и остаться – значит медленно гнить в страхе. Что надёжнее: принять вызов или ждать нож в спину? Он не знал. Он просто знал, что долго так не протянет.

В груди копилось давление, томительное, глухое, словно вся церковь навалилась на него своей тяжестью. Решение нужно было принять. Обязательно. Иначе сойдёт с ума.

5. Вспомни кем ты был

Странно, как время умеет стирать всё лишнее, оставляя одни голоса.

Иногда слышу их – тех, что были с нами тогда. Иногда – вижу лица, почти забытые. Тогда порой было страшно, но в нас – шумела кровь. Опасность была нашей спутницей, и тот, кто говорит, что не боялся тот просто врет – боялись, но могли держать свой страх в узде, могли пересилить его, потому что были сильнее любого страха.

Я слышал, что ты теперь живёшь красиво. Ты всегда этого хотел. Мы все этого хотели. Но лишь ты добился своего.

Говорят, у тебя теперь всё равно: золото лежит по полкам, люди слушаются с полуслова, а женщина твоя – словно статуэтка с Востока. Даже дни идут друг за другом – послушно и размеренно.

Некоторым такое по душе. Другие – всё ещё помнят, как это: мчаться в ночь, не зная, вернёшься ли.

Впрочем, я не о том.

Похоже, круг начинает замыкаться. Люди возвращаются. Те, кто помнит, кто жил тогда одной тенью, одним именем.

Скоро встретятся те, кто когда-то знал дорогу к огню.

Встретятся не для воспоминаний. Кто-то нашёл след. Тот самый. Оломир сгинул в той пропасти, но он кое-что оставил. Не слова. Не легенды. Кое-что более существенное. Ты, пожалуй, поймёшь, о чём речь.

Не все придут такими, какими их помнят. Кто-то – постаревшим, кто-то – беднее. Кто-то – уже почти никто.

О тебе же говорят – ты стал человеком масштаба. И это не лесть, это просто факт.

Бывает, что старые дороги зовут не для того, чтобы вернуться – а чтобы дать понять, как далеко ты ушёл.

Ты ведь и сам чувствуешь, как душит рутинка. Эти стены, эти счета, этот бесконечный воск, заливающий пламя. Помнишь, каким ты был? Когда всё решалось за один взгляд? Когда вены горели, а мир казался слишком узким для тебя?

Сейчас у тебя есть всё. Нет только одного. Ты забыл вкус жизни.

Я подумал: если ты когда-нибудь почувствуешь, что дни стали слишком одинаковыми, а вечер перестал быть вестником, а стал привычкой – возможно, это письмо окажется тебе кстати.

Место ты помнишь. Время – последний день весны. Ты всегда приходил тогда, когда был нужен.

Остальное – не для письма.

Рейнар нахмурился.

Он смял письмо и кинул его на стол, задумался, глядя в окно.

– Опять перечитываешь это письмо? – спросила Милена. Она подошла к нему сзади и положила руки на плечи, – оно сводит тебя с ума. Ты уже неделю сам не свой. Надо принять решение – либо ехать, либо выкинуть из головы и успокоиться.

Он тяжело вздохнул:

– Ты понимаешь, не само письмо, не его содержание, а вот этот способ изложения мыслей подозрительно напоминает мне Оломира – но ведь это невозможно. Он упал в пропасть. Я видел это своими глазами. Упасть с такой высоты и выжить – нереально.

– Есть только один способ выяснить.

Он посмотрел на неё. Долго, холодно.

– Это всё, что тебе нужно? Чтобы я сорвался туда, как глупец? Как старый волк, почувший кость?

Она выдержала его взгляд.

– Мне ничего не нужно, – спокойно ответила она, – но я знаю тебя. Знаю, как ты не выносишь, когда другие вершат что-то без тебя. Там будут все. Они встретятся и что-то решат, но независимо от того, что они решат – ты останешься в неведении и это будет съедать тебя долгие годы. Если кто и может поставить последнюю точку – это ты. Тем более там ведь речь идёт в том числе и о золоте. Насколько я понимаю, там его было много. И даже для тебя, хоть ты и не беден, это будет солидный куш, не так ли? Так почему твою часть золота должны разделить другие?

– А ты? Ты чего хочешь? Ты ведь тоже не просто так меня подталкиваешь. У тебя ничего не бывает просто так.

Она чуть улыбнулась:

– Я хочу увидеть, как ты снова станешь тем, кем был. Хочу вновь увидеть искру в твоих глазах, таким я тебя и полюбила, помнишь?

Он усмехнулся, откинулся в кресле, задумался.

Милена знала, что он поедет, потому что за эти годы выучила его наизусть. И скорее всего он уже давно это решил, просто ждал последнего толчка, одобрения, какого-то подтверждения с её стороны – что он все решил правильно.

Он не знал, что она тоже получила письмо и даже не одно.

Первое письмо пришло с голубем. Не маркированное, без подписей, в старой бумаге, пахнущей пеплом и прелой кожей.

Скоро они соберутся. Там, где всё закончилось. Ты знаешь, кого это касается. Ты знаешь, кого съедает прошлое. Ты знаешь, кто стал лишь тенью самого себя. Кто все больше теряет в твоих объятьях свой мужской стержень.

Она перечитывала эти строки долго, до звона в висках. Почерк был незнакомым, но слова – слишком точными, чтобы быть случайными. Милена никому не рассказала об этом письме.

Второе письмо принес бродяга. Хромой, с безжизненным взглядом. Остановился у ворот под предлогом просить хлеба, но передал записку, прежде чем Милена успела ответить. Она смотрела ему вслед, пока он исчезал в утреннем тумане, будто был не человеком, а дурным сном.

Милена, ты не знаешь меня и вряд ли он рассказывал тебе обо мне, а может и сам уже забыл, но я всё помню. Я была с ним до тебя. Недолго. Не смогла справиться с его нравом, так как ты.

Ты, должно быть, умеешь многое. Иначе он бы не держал тебя рядом так долго.

Но скажи честно – он всё ещё такой, каким был? Или стал тише, мягче, удобнее?

Я помню его другим. Острым. Грозным. В нём жила такая сила, что хотелось и бояться, и приближаться одновременно.

Тогда он ещё не прятался за стенами. Тогда он был жаром, от которого кружилась голова, не огнём в очаге, а костром под открытым небом. Ты ведь знаешь, о чём я. Ты чувствовала это.

Сейчас у него – шелк, серебро, власть. Но ты ведь видишь, как он стал тускнеть? Как уже не зажигается при споре? Как не смотрит так, будто сейчас разорвёт весь мир в клочья?

Возможно, ты скучаешь по тому взгляду. По тому льву, которого сама приручала. Или тебе нравится держать его на поводке – это тоже власть, но она быстро становится скучной, не так ли?

Рядом с тобой он теперь – спокойный? Или ты всё же умеешь заставить его вспыхнуть, как прежде?

Потому что скоро будет момент. Тонкий. Опасный. Сладкий, как всегда. Там, где встречаются те, кто помнит друг друга не по словам, а по движениям, взглядам, страхам.

Только представь: ты можешь вернуть ему огонь. Только ты. Никто другой не сумеет заставить его сорваться с места, запыхать, рискнуть. Бросить всё. Только ты умеешь так нажимать на его слабости, чтобы он сам думал, что это его воля.

Он, конечно, скажет «зачем мне это» – и ты знаешь, как это обратить в «а почему бы и нет».

Там будет игра. Старая, глубокая. И кое-что ценное – возможно, очень. Но главное – он снова почувствует, что жив. А ты – что управляешь огнём, а не углями.

Сумеешь? Или уже довольствуешься тем, что он просто рядом?

Р.С. Это не приглашение. Это просто напоминание: если не ты напомнишь ему, кто он – найдётся та, кто попробует.

– Ну что же. Ты хочешь поиграть со мной? Я готова, – со злостью произнесла Милена и разорвала письмо в клочья. – Посмотрим, кто будет смеяться последним!

С каждым словом в её голове складывалась картина. Она знала, что Рейнара не заставить страхом. Не заманить золотом – слишком богат. Но можно задеть другое – его чувство контроля. Его ярость от мысли, что где-то решают без него. Что кто-то может владеть его прошлым. Его правдой.

Она не думала, что любит его. Точнее, не задавалась этим вопросом уже давно. Жить рядом с таким человеком – значит научиться не путать привязанность с любовью. Но она знала его насквозь. И знала, что он поедет. Если правильно подтолкнуть.

– Хорошо, я поеду. Убедила. Проверю, что они задумали, – резко сказал Рейнар и встал, выдернув Милену из её мыслей.

– Ты же не поедешь один, правда? Это было бы... странно.

Рейнар нахмурился.

– Мне не нужен эскорт, чтобы навести порядок в стае старых шакалов.

– О, но ты ведь не просто едешь «навести порядок», – улыбнулась она. – Ты едешь показать, кто ты теперь. Вспомни, что они видели двадцать лет назад? Бандита с кинжалом, не более. А теперь они увидят того, кем ты стал: хозяина, господина, мужчину, у которого есть всё.

Он посмотрел на неё. Она стояла, не мигая, с лёгкой полуулыбкой.

– И ты думаешь, мне стоит им что-то доказывать?

– Я думаю, ты сам хочешь им это показать. Без слов. Одним появлением. Чтобы каждый из них сжал кулаки от зависти. Чтобы поняли: ты – наверху, а они – пыль на сапогах. И ты пришёл не за крохами, а потому что тебе любопытно, как они выглядят теперь. Жалкие, пустые. И ты – с караваном, с лошадьми, с золотыми пряжками и со мной.

Его взгляд стал другим. Понимающим. Гордость зашевелилась в нём, как зверь, услышавший зов.

Он прищурился:

– С тобой? А тебе-то зачем это?

– Чтобы видеть их лица, когда ты сойдёшь с коня. Чтобы показать им, кого ты выбрал. Чтобы быть рядом, когда они начнут лгать, и смотреть на них так, как умею только я.

Он молчал.

– К тому же, – добавила она чуть тише, – если кто-то готовит ловушку, тебе нужен тот, кто чувствует людей. Кто слышит, как врут.

– Для этого у меня есть Осип.

– Осип – злой. Я – хитрая, когда нужно. Ты сам знаешь, – её голос стал шёлковым. – Ты будешь спокоен, когда я рядом. И в беде, и в радости. Помнишь?

Он махнул рукой.

– Чёрт с тобой. Будь, по-твоему. Хочешь тащиться по болотам – пожалуйста.

Караван собрался через три дня. Повозки с шатрами, навьюченные мулы с продовольствием, лошади. Осип ехал впереди, охранники – чуть поодаль, проверяя окрестности. Милена – в роскошной карете, словно в путь она собралась не к развалинам, а на приём.

Рейнар ехал чуть впереди всех, молча, в новом плаще и кожаных перчатках. Его лицо было закрыто от ветра, но глаза – внимательные, тяжёлые.

Он не спешил. Он знал: когда они увидят это шествие – каждый из них почувствует. Почувствует, что вернулся не один из них. Вернулся тот, кто стал сильнее, пока они прятались от прошлого.

И только внутри, под бронёй самодовольства, где-то в глубине шевелилось другое чувство: а вдруг именно этого и хотели от него? Вдруг кто-то хотел, чтобы он показал себя вот так? Чтобы пришёл – весь, целиком, уязвимый в своём величии?

Но мысль быстро исчезла. Он не был из тех, кто отступает от начатого.

6. Предложение Оломира

Двадцать три года назад

В нескольких зданиях древних руин, затаившихся в центре болот, горел свет. На первом уровне, в просторном зале, очищенном от вековой грязи и мха, шумела банда. Около двух десятков человек собрались за длинным, грубо сколоченным, но крепким столом. Стены, изрезанные шрамами времени, были утыканы факелами, их пламя бросало живые отблески, гоня тени по углам.

Запах жареного мяса, разлитого пива и впечатлений от недавней битвы висел в воздухе, смешиваясь с ароматом прогретого камня и старых трав. Весёлые голоса, звон кружек, топот сапог по каменным плитам сливались в громогласный гул. Люди были в приподнятом настроении: очередной набег завершился удачей.

Во главе стола, на деревянном троне, сидел Оломир – вождь банды. Высокий, с широкой грудью, он был в расцвете сил. Его тяжёлая рука сжимала массивную кружку пива.

Оломир поднялся, и зал притих.

– Братья! – громовым голосом начал он. – Сегодня мы сидим здесь благодаря нашей отваге, нашему уму и нашей вере друг в друга!

Толпа ответила криками и стуком кружек.

– Мы принесли сюда золото, столько, сколько не видела наша казна долгое время! – продолжал Оломир, его голос полнился гордостью. – Это – результат долгой подготовки, дней и ночей, когда мы плели сети, искали слабости врага и ждали нашего часа. И мы дождались его.

Он обвёл собравшихся тяжёлым взглядом.

– Но сегодня мы потеряли троих... Любой из нас мог сегодня остаться там. Что тут скажешь!? Они знали на что шли. Они знали цену золота. В противовес ему мы ставим наши жизни... В память о них – минута молчания.

Тишина опустилась на зал. Все встали. Шорохи одежды, скрип сапог – и только пляшущие тени факелов шевелились.

Оломир осушил кружку залпом.

– За жизнь! За золото! За тех, кто с нами! И тех, кто теперь только в нашей памяти!

Толпа взорвалась весельем.

Оломир, не дожидаясь, когда пьянство захлестнёт всех, вышел из-за стола. Его шаги отдавались в камне. Он двигался вдоль стола, оглядывая своих людей. Остановился возле молодого парня с копной тёмных волос – Рейнара.

Положил ему тяжёлую руку на плечо.

– Пойдем-ка со мной? – сказал он спокойно.

Рейнар невольно вздрогнул. Он никогда раньше не ходил в глубину руин. Все старались держаться ближе к залам, которые они сами очистили от грязи и заселили огнями и весельем. Древние коридоры, уходящие в сердце руин, манили и пугали.

Только Оломир чувствовал себя там, как дома. Иногда к нему присоединялся кузнец Семён.

Они вышли из зала и пошли по длинному коридору, уходящему вглубь руин.

Шаги эхом разносились по каменным сводам. Пламя факелов встречалось всё реже: здесь было темнее, воздух тяжелее. Влажность пропитывала стены, иногда с потолка капала вода, и эти капли, падали с глухими ударами в давно забытые кувшины и трещины в плитах. Запах сырости, древней пыли, старого дерева и что-то ещё – прелое, едва уловимое, – наполнял лёгкие.

Рейнар шёл за Оломиром, чувствуя, как сердце его стучит быстрее. Разум твердил ему: нечего бояться. Но душа всё же сжималась, когда они миновали особенно тёмные повороты, особенно древние арки, где камни казались живыми в тусклом свете факелов.

Наконец они достигли двери, укреплённой массивными дубовыми досками, окованными железом. Оломир без слов толкнул её плечом, и створка с тихим скрипом открылась.

Рейнар замер на пороге.

Перед ним раскинулась просторная комната, столь уютная, что казалась невероятной в этом холодном каменном чреве руин.

Пол был покрыт коврами – яркими, с замысловатыми узорами. По стенам висели трофеи: щиты, мечи, кинжалы, рваные штандарты – свидетельства многих походов. Здесь было тепло: в дальнем углу тлел очаг, запах дерева и дыма приятно щекотал ноздри.

В центре стоял огромный стол из тёмного, тяжёлого дуба, отполированный временем и руками. На нём беспорядочно лежали карты, пергаменты, какие-то амулеты и кружки. Кресло у стола было широким, удобным, с высокой спинкой, обитой тёмной кожей.

Оломир опустился в кресло.

– Садись, – сказал он, указав на стул напротив.

Рейнар, всё ещё озираясь по сторонам, осторожно подошёл и сел. Комната казалась островком жизни в этом мире камня и теней. Но в её воздухе витало что-то ещё... какое-то ожидание, тихое напряжение, как перед бурей.

Оломир молча смотрел на юношу, и в этом взгляде было что-то такое, от чего у Рейнара по спине побежали мурашки.

Оломир долго смотрел на Рейнара, словно взвешивая его душу на невидимых весах. Тяжесть этого взгляда давила, заставляла внутренне сжиматься, но Рейнар, пусть и с трудом, выдержал. Он не отвёл глаз, не опустил головы – и это было первое испытание.

– Зачем, как ты думаешь, я тебя сюда привёл? – наконец заговорил Оломир, его голос был ровным, спокойным, но в нём сквозила скрытая серьёзность.

Рейнар передёрнул плечами, облизнул пересохшие губы и ответил, стараясь говорить прямо:

– Послушай, Оломир... – начал он, немного запинаясь. – Если ты хочешь поговорить о тех двух мужиках, которых я не прикончил... Ну что сказать? Они были безоружны. Абсолютно не выказывали сопротивления. Лежали лицом вниз... Какая от них для нас опасность? Я не стал...

– Стоп. Стоп, – поднял руку Оломир, и в этом жесте была такая сила, что Рейнар замолчал на полуслове.

Оломир продолжил:

– Ты думаешь, я привёл тебя сюда, чтобы отчитать за недостаточную жестокость? Нет, – он чуть усмехнулся, но глаза его оставались серьёзными. – Хотя... я это заметил.

Излишняя жестокость, Рейнар, вредит делу. В любом деле нужен разумный компромисс между силой и разумом. Особенно в нашем... – он помолчал – Я не воспитатель. Мне нет нужды пытаться лепить из человека то, чем он не является. Я беру людей такими, какие они есть. Если их качества подходят моим замыслам – я работаю с ними. Если нет – прощаюсь.

Он сделал паузу, позволяя словам осесть.

– Ты правильно рассудил там, в той схватке. Безоружные не представляли угрозы. И это значит, что в критической ситуации ты умеешь думать головой, а не просто махать мечом. Такие люди мне нужны.

Рейнар напрягся всем телом. Он чувствовал, что приближается к чему-то важному.

– Я долго за тобой наблюдал, – продолжал Оломир. – Ты умеешь вести за собой других. Это редкость. Сегодня мы потеряли одного из звеньевых. Тихон. Он был в твоей группе.

Рейнар слегка поник, услышав знакомое имя.

– Я хочу предложить тебе его место, – твёрдо сказал Оломир. – Большой процент от добычи. И больше обязанностей... более творческих, так сказать. Что скажешь?

Рейнар растерялся.

– Ого... – только и выдохнул он, искренне удивлённый. – Я ведь совсем недавно с вами... Ещё года не прошло.

– Года не прошло, – спокойно подтвердил Оломир. – А ты уже показал себя. Тебя заметили и в твоей группе. Ты смог правильно поставить себя в таком сложном коллективе, за такое

короткое время – это дорогого стоит. У тебя с другими нет конфликтов и нет панибратства – то, что нужно для лидера.

Он откинулся в кресле, наблюдая за юношей.

– Я... конечно, согласен, – наконец ответил Рейнар.

Оломир кивнул, будто ждал от него именно этой реакции.

– Вот и прекрасно, – сказал он. Поднялся с места, жестом показывая Рейнару оставаться сидеть.

Он подошёл к массивному старому шкафу, стоявшему в углу комнаты. Спина его, покрытая рубахой из грубой ткани, казалась каменной стеной – широченная, крепкая, с чётко очерченными мускулами. Несмотря на свой внушительный рост – почти два метра – Оломир двигался мягко, без лишнего шума.

В шкафу он что-то искал, роясь среди свёртков и старых кожаных папок. Потом повернулся, держа в руках плотный холщовый свёрток.

Подойдя к столу, он аккуратно развернул его, распластав старую, выцветшую карту. По углам прижал её тяжёлыми декоративными фигурками, выточенными из полудрагоценных камней – изумруд, лазурит, янтарь и нефрит вспыхнули в свете очага.

Рейнар склонился над планом, от которого пахло древней кожей, пылью и чем-то ещё, каким-то духом тайны.

– Вот твоё первое задание, – произнёс Оломир, его голос стал деловым. – Проверочное, так сказать.

Он указал пальцем на середину карты.

– Это план монастыря. Того, что на реке Осиновке. Знаешь, где это?

Рейнар кивнул. Конечно знал. Место было известно многим: одинокая обитель, с одной стороны отрезанная от мира рекой, глубокой и стремительной, а с другой – окружённая непроходимым лесом.

– Через два месяца туда привезут золото, много золота. Для одного толстосума. Откуда я знаю – не спрашивай. Прими как факт.

Оломир наклонился, ткнув пальцем в обозначенную на карте кладовую.

– Храниться оно будет здесь. Но проблема в другом. Монастырь – место людное. Монахи, паломники, слуги. Невинные жертвы нам не нужны, – подчеркнул он. – Ты меня сегодня убедил: думать прежде, чем резать – правильный путь.

Он выпрямился.

– Твоя задача: изучить план. Съездить на место. Осмотреться. Разработать план действий: как забрать золото быстро, бесшумно, без лишней крови. Подобрать людей. Определить, какое снаряжение понадобится. Через три недели мы вернёмся к этому разговору.

– Всё ясно? – спросил он наконец, глядя в упор.

– Всё ясно. Всё сделаю, – твёрдо ответил Рейнар.

Оломир довольно кивнул. Его широкое лицо разгладилось, в глазах промелькнула искра одобрения.

– Вот и хорошо, – сказал он.

Он подошёл к двери и, открыв её, жестом пригласил Рейнара выйти.

– Я верю в тебя, парень. Ты справишься. Сегодня отдыхай – заслужил. Дорогу назад найдёшь сам?

Рейнар кивнул, с благодарностью и гордостью в душе.

Порог комнаты он пересёк один, оставив за собой тепло очага. За дверью снова встретила его влажная темень коридоров.

Факелы едва освещали узкие переходы. В сыром воздухе витал аромат древности, а где-то в глубине руин – или это только казалось? – тихо шептал ветер. Шаги эхом отдавались в пустоте, и каждый шорох за спиной заставлял нервно оглядываться.

Рейнар шёл по коридорам, всё дальше отдаляясь от уюта комнаты Оломира, и только глухой стук собственных шагов сопровождал его в этом лабиринте камня и теней. Он старался не оборачиваться, хоть и чувствовал на себе взгляд руин – словно сами стены смотрели ему вслед.

Когда он вернулся в зал, пир уже набрал силу: кто-то пел, кто-то спал, уронив голову на стол, кто-то спорил, потрясая в воздухе кружкой. Всё было, как всегда, после удачных дел – и в то же время для Рейнара всё стало иным.

Он нашёл свой спальный мешок у дальней стены, возле груды пустых бочек, забрался в него, стараясь не привлекать внимания, и лёг, повернувшись лицом к шершавой холодной стене.

Шум пирушки постепенно отдалился, словно его заглушил собственный пульс в ушах.

Он лежал, смотрел в темноту и думал.

Предложение Оломира.

Звеньевой.

Большой процент. Больше обязанностей. И – главное – доверие.

Оломир увидел в нём то, чего Рейнар сам в себе до конца не осознавал. Лидерские качества. Способность вести. Способность решать.

Ему льстило это признание. И в то же время пугало.

Рейнар задумался: когда он пришёл сюда, в эту банду, он был никем – парнем с мечом, ищущим лёгкой жизни и быстрой славы. А теперь? Теперь он брал на себя жизнь и судьбу других людей. От его решений могло зависеть не только золото, но и кровь, и память.

Он вспомнил глаза тех двоих, что лежали безоружными на земле сегодня утром. Лица, в которых было столько страха, столько мольбы. И свою руку, не поднявшую меч.

Оломир не осудил его за это. Более того – именно это стало причиной предложения.

Трезвость. Хладнокровие. Способность думать.

Рейнар снова закрыл глаза, стараясь отогнать беспокойные мысли, но они липли к нему, как паутина. Перед внутренним взором вставал монастырь – каменные стены на фоне тёмного неба, река, окутанная туманами, и золото, спрятанное за тяжёлыми дверями. Он уже видел, как будет подходить к делу, как будет шаг за шагом выстраивать план. Он представлял лица тех, кого выберет в свою команду. Доверие. Ответственность. Возможность.

Три недели, – напомнил он себе. – Три недели, чтобы доказать, что Оломир не ошибся.

Где-то за стенами руин залаяла лисица, её крик прозвучал так пронзительно, что отозвался в груди у Рейнара странной, дикой тоской.

«Мир вокруг беспощаден. И всё, чего ты стоишь в нём, определяется только твоими поступками. Я справлюсь», – сказал он себе в темноте. Тихо. Без бравады.

7. Встреча на болотах

Юрка, мальчишка лет двенадцати, скучающе сидел в телеге среди мешков с провизией. Уже два дня он болтался на ухабистых дорогах в этой скрипучей телеге, и усталость давала о себе знать: спина ныла, ноги затекли, а настроение падало всё ниже. Сначала это казалось приключением – новое место, поездка с богатыми господами, – но теперь каждый лишний час тряски казался пыткой.

Работал он мальчишкой на побегушках у Осипа – правой руки богатого купца Рейнара. Работа была незамысловатой: принеси то, подай это, да ещё выслушай от начальника пару тёплых слов, если вдруг не так посмотрел или не туда ступил. Осип был уже в возрасте – поэтому ему требовалась помощь молодых Юркиных рук. Человек он был сварливый, срывался часто и по любому поводу. Юрка был для него чем-то вроде громоотвода – удобной мишенью для его дурного настроения.

Теперь они заехали в какое-то болото и Юрка начал переживать что они заблудились. Он то и дело оглядывался по сторонам, вглядываясь в серую пустоту среди вязких топей и хилых деревьев. Ландшафт был унылый и зловонный: в воздухе стоял густой запах гнили, и казалось, что сама земля здесь дышит тяжело и злобно.

Он понятия не имел, куда их занесло и зачем – об этом с ним никто не собирался делиться. Но, судя по невозмутимым лицам Рейнара и Осипа, они ехали туда, куда и планировали. Охрана – молчаливые мужики с арбалетами за спиной – выглядела так же спокойно. Значит, всё по плану.

А вот что за план – Юрке было неизвестно.

Кроме него в караване были ещё люди из прислуги – повар, с телегой полевой кухни, охранники и Эсма – молодая девушка – прислуга Милены – жены хозяина. Эсма, в отличие от Юрки, ехала в карете вместе с госпожой и показывалась на глаза только на привалах.

Эсма была старше его на шесть или семь лет. Не то чтобы красивая. Её красота была не яркой или вызывающей как у её хозяйки. Её красота была в женственности и какой-то простоте, смиренности что ли. Юрка сам не мог объяснить себе, чем она ему нравилась. В Эсме было что-то живое, настоящее: ласковый взгляд, скромная улыбка, лёгкая походка. К ней притягивался взгляд и при ней он чувствовал себя смущённо.

Вздыхнув, он лёг на истёртую подстилку в телеге, положил руки за голову и уставился в мутное небо, где между рваными облаками проглядывали редкие голубые пятна.

И тут... что-то нарушило привычную болотную тишину.

Странный звук донёсся издалека – что-то между криком и воем. Юрка приподнялся на локтях, прислушался.

Тишина. Только лягушки перекликались где-то в зарослях.

Он снова лёг. Но вскоре звук повторился – на этот раз чётче – как будто кто-то кричал о помощи. Звук приближался и через некоторое время стало понятно, что это не крик

о помощи и не стелания умирающего – это песня. Причём тот, кто её пел, музыкальным слухом не обладал.

Охранники насторожились, переглядываясь. Один из них поправил арбалет на плече. Осип сощурился, подался вперёд, пытаясь разглядеть, кто там шумит. Шторка в окне кареты отодвинулась и в нём показалось лицо Милены.

Звук приближался, становился всё отчётливее.

Через некоторое время все увидели виновника нарушения звукового спокойствия. Посреди болотного мха, раскинув руки, валялся человек. Рубаха его была порвана, штаны были в грязи и рваные в коленях. Он смотрел в небо и горланил:

*Приятель, не кисни, лей до краёв,
Серые вороны кличут братков!
Кто-то из нас не вернётся с утра!
За жизнь и за золото вытьём до дна!*

В одной руке он держал пузатую бутылку, а другой рукой размахивал в такт фальшивым куплетам. Рядом на мху стояла, выдавшая виды кожаная сумка.

Юрка вытаращил глаза. Весь караван замер, наблюдая за странным певцом.

И тут незнакомец, словно почуввав на себе взгляды, резко прекратил свою песню. Он дернулся, сел, с трудом сфокусировал взгляд на приближающейся процессии и, выругался на всю округу:

– Мать твою за ногу!

Мужчина потряс головой, как будто хотел стряхнуть наваждение. Потом снова уставился на караван, щурясь. Казалось, он не верил собственным глазам – то ли от пьянства, то ли от изумления.

Он встал на ноги, пошатнулся, хватая воздух руками, будто хотел ухватить опору, и всё ещё продолжал бормотать:

– Кто это тут у нас... Чудится что ли...

Он схватил сумку, повесил её на плечо, потом взял бутылку как оружие наперевес и пошёл, шатаясь, навстречу телегам, широко улыбаясь.

– Это кто-то из моих старых корешей, не иначе! – выкрикнул незнакомец, пошатываясь. – Кому ещё в здравом уме придёт в голову тащиться по этим болотам!? Ну, подходи, кто смелый!

Он, покачнувшись, встал в вызывающей позе, расправив руки и задрал подбородок. Но удержаться на ногах ему оказалось не под силу – незнакомец неловко качнулся и неуклюже повалился на мох.

К нему сразу же подъехал Осип с двумя охранниками. Лицо Осипа было каменным, холодным.

– Поднимите его, – скомандовал он.

Два охранника, не произнося ни слова, спрыгнули с лошадей, подхватили мужчину под мышки и подняли на ноги. Тот безвольно повис у них на руках, шатающийся и совершенно не сопротивляющийся.

– Вот так... Да... – пробормотал незнакомец и, ухмыляясь, изрёк громко: – Носите меня на руках, парни!

Он расхохотался, запрокинув голову назад, и на мгновение показался почти счастливым в своей пьяной одури.

Затем его мутный взгляд остановился на Осипе:

– А тебя я не знаю, – заявил он, моргая. – Ты с какой группы, дружище?

Осип молчал, равнодушно рассматривая его, решая, стоит ли вообще с ним разговаривать.

В этот момент сзади к ним подошёл Рейнар. Он смерил пьянчугу холодным усталым взглядом и, с едва заметной усмешкой на губах, произнёс:

– Ну, привет, Остап. Ты, я смотрю, себе не изменяешь. Всё так же любишь приложиться к бутылке.

Остап, словно поражённый громом, вытаращил глаза, а затем, заложив ладони за уши в комичном жесте, заорал во всё горло:

– Рейнар!? Ты ли это, Рейнар!?

Он дёрнулся вперёд, вырвался из рук охранников, и, спотыкаясь, кинулся к бывшему товарищу с расплывшимися объятиями.

– Дружище Рейнар! Ха-ха-а-а-а!

Рейнар, оставаясь спокойным, мягко, но твёрдо отстранил его, удерживая на расстоянии вытянутой руки. На губах его играла лёгкая, еле заметная гримаса брезгливости.

Охранники вновь подхватили Остапа...

– Слушай... ну ты такой, такой... – Остап запнулся, не найдя подходящего слова, замахал руками и обвёл караван широким жестом. – Такой... солидный, блин! – наконец нашёлся он и с восхищением добавил: – Уважаю!

Он ткнул пальцем в Осипа, его жест был неуверенным, но полным бурного одобрения.

– Это всё твоё? И халдеи твои? Молодца, Рейнар, молодца! – Остап довольно закивал.

Он повернулся к Осипу и потрясая перед его лицом указательным пальцем, произнёс – Я всегда говорил: Рейнар всех нас переплюнет! Вот так и говорил!

Потом он внимательно всмотрелся в Рейнара, усмехнулся и бодро пошлёпал его по животу:

– А тебя, я смотрю, тоже время не щадит, а? Где твой пресс, солдат удачи? – он весело захохотал, но Рейнар поймал его руку и крепко сжал, глядя в глаза.

Остап вдруг стал серьёзным, перешёл на заговорщический, почти шепчущий тон с нотками плаксивости:

– Слушай, Рейнар... – он заискивающе заулыбался. – Я не дойду. Реально, не дойду. Я подохну тут в этих болотах, – он замахал запястьем в каком-то непонятном жесте, словно хотел показать свою беспомощность. – Я... слегка переоценил свои силы...

Он качнул головой, словно самому себе было противно это признавать.

– Вот, прилёт тут, думаю: всё, Остап, конец тебе. Похоже твоим корешам, придется без тебя гулять на этой вечеринке. Будут сидеть грустные, унылые и без тебя им даже никто анекдот не расскажет, никто им не споет...

Он тяжело вздохнул.

– Ну и решил, раз уж подыхать – так с самогоном в брюхе. – он горько усмехнулся. – А тут вы... Вот это удача! Глядишь, погуляем ещё на вечеринке старых друзей, а Рейнар?

Рейнар холодно, почти равнодушно смотрел на него, но всё же спросил:

– Ты о какой ещё вечеринке твердишь?

– Ну как же о какой? Ты что? Не в курсе?

Остап, оживившись, вытянул из-за пазухи грязный, мятый клочок бумаги. Руками, дрожащими от усталости или выпитого, он развернул его и, приняв торжественный вид, начал зачитывать:

– Остап, дружище! В последний день весны приходи к старым руинам. Встретимся, вспомним прошлое, тех, кого уже нет. Выпьём пару бочек пива. Повеселимся. Всё как в старые времена.

Зачитав послание, он оглядел всех вокруг, как будто ждал бурного одобрения:

– Ну разве я мог такое пропустить, а!? – выкрикнул он, но голос его стал унылым, словно в нём иссякли силы. – В прошлом было столько всего... столько всего... не то, что сейчас... – он опустил голову, глядя куда-то в грязь, – Все теперь в прошлом, а в будущем что!? А!?

Рейнар на мгновение задумался, затем коротко кивнул:

– Хорошо. Я возьму тебя с собой. Но при одном условии.

Он подошёл ближе, глядя Остапу прямо в глаза:

– Чтоб ни звука больше, понял? Ни песни, ни крика, ни даже чиха! Если услышу хоть писк – высажу тебя тут же, не задумываясь и без лишних разговоров.

Остап, раскинув руки, словно сдаваясь, заверил:

– Уже молчу! Молчу! Молчу! Как рыба!

Рейнар взглянул на охранников:

– В телегу его.

Те, без лишних слов, поволокли Остапа к одной из телег. Остап, спотыкаясь, ещё успел заверещать:

– Сумку! Сумку мою не забудьте!

Один из охранников прихватил его потерянную сумку, из которой доносился звон бутылок. Его закинули в телегу, прямо среди мешков. Остап с глухим стоном плюхнулся на подстилку и, обняв сумку, блаженно прикрыл глаза.

Юрка, сидевший в углу той же телеги, сжался, забившись в самый дальний угол, натянув на себя плащ. Он и подумать не мог, что сегодня ему предстоит делить место с таким шумным пассажиром.

К счастью, Остап, кажется, не заметил его. Только лишь закрыв глаза, он тут же захрапел. Юрка выдохнул с облегчением, свернулся калачиком на своей подстилке и быстро уснул под мерный скрип колёс и размеренный храп нового соседа.

8. Вглубь города

Как только первые лучи солнца коснулись древних руин Терент и Эльяр покинули лагерь. Они ушли в сторону, туда, где древние руины переходили в холмы, поросшие редким кустарником. Место для утренних тренировок было выбрано вполне удачное – небольшой ровный выступ на склоне, обрамлённый полукругом низких камней, когда-то бывших частью стены или ограды. Здесь земля была ровной, трава почти не росла, а вид открывался далеко вперёд: на заросшие развалины древнего города и влажный утренний туман, стелющийся по улицам.

Терент всегда придерживался правила: тренировки никогда не отменяются. Даже если завтра – день сбора, даже если впереди неизвестность. Он держал себя в форме и того же добивался от Эльяра. Парень рос крепким и ловким. В последние годы разрыв между учеником и учителем начал сокращаться – не по силе ещё, но по технике и настойчивости.

Они размялись в молчании. Терент вытянул меч из ножен с привычным звоном. Удары, выпады, уклонения – всё повторялось по кругу. Эльяр ловко отражал удары, сам переходил в атаку. Пот на лбу, тяжёлое дыхание, мышцы горят – так и должно быть.

Час спустя Терент опустил меч.

– На сегодня хватит...

Неподалёку, была небольшая заводь с чистой водой – здесь бил родник. Холодная вода приятно обжигала распаренное тело. Они умылись, обтерлись и некоторое время молча сидели у воды, переводя дух. Над развалинами кружили птицы. День обещал быть солнечным.

Когда они приблизились к лагерю, солнце уже поднялось над вершинами.

Терент, не доходя до стоянки, вдруг сказал:

– Пойдём-ка со мной.

Он ловко подпрыгнул, ухватился за выступ стены, обросший мхом, подтянулся и перемахнул через неё. Из-за стены донёсся его голос:

– Давай сюда.

Эльяр, не раздумывая, последовал за ним. Руки ухватили шершавый камень, ноги нашли опору, и вот он уже по другую сторону. Перед ним раскинулась древняя улица, ведущая в сердце покинутого города.

Картина была завораживающая.

Здания, некогда величественные, теперь стояли наполовину разрушенные. Их обвивали побеги дикого винограда и густые заросли какого-то кустарника. Башни, хотя и обвалившиеся местами, всё ещё гордо возвышались над улицами. Ветер шевелил листву на верхушках колоннад, а между проломами стен прорастали небольшие деревца. Местами виднелись остатки широких лестниц и арок. Вдали возвышалась ступенчатая пирамида.

Улицы были широкие, выложены массивными плитами. Порой между ними пробивалась трава. Влажный воздух, насыщенный ароматом зелени и старого камня, усиливал ощущение того, что природа медленно, но неуклонно отвоёвывает город у времени.

– Впечатляет? – спросил Терент.

Эльяр кивнул, не в силах сразу подобрать слова.

– В своё время я тут все близлежащие районы облазил, – продолжил Терент. – В катакомбы не лез – там сыро и воняет, а вот снаружи знаю каждый уголок в радиусе двадцати километров. Остальные боялись дальше лагеря выходить. Слабаки! А я знаю: чтобы выжить, нужно знать, где ты находишься. Прошло двадцать лет, а я и сейчас без труда сориентируюсь. Пойдём, кое-что покажу.

Они двинулись по широкой улице. Заросли местами стали настолько густыми, что приходилось раздвигать ветви или срезать их короткими мечами. Путь вёл всё глубже в лабиринт руин. Камни под ногами были скользкими от мха, между плитами копошились ящерицы. Где-то в проломе стены проскользнула тень – возможно, зверёк, возможно, птица.

Наконец они вышли на большую площадь. Её мощёная поверхность была почти цела, хотя кое-где из трещин росли кусты. В центре возвышалась странная конструкция.

Это был цилиндр, чёрный и гладкий, сильно наклонённый. Он касался земли лишь небольшим краем, а верхняя часть нависала в воздухе. Казалось, что массивная махина вот-вот рухнет – центр тяжести явно находился за пределами опоры. Края цилиндра были украшены замысловатыми узорами – то ли письменами, то ли символами, которые за прошедшие века стали неразличимыми.

Эльяр обошёл конструкцию, рассматривая её со всех сторон.

– Что это? – спросил он.

– Не знаю, – пожал плечами Терент. – Здесь таких загадок много. В одном из залов я видел левитирующую колонну. Представь: висит в воздухе, примерно на высоте ладони от пола. Её можно раскрутить, и она медленно вращается, не касаясь земли. Зачем это? Для чего? Черт его знает. Те, кто жил тут раньше, многое умели.

Он подошёл ближе к цилиндру и постучал по его поверхности. Звук был глухим, как у пустого металлического сосуда.

– Сегодня всё равно день свободный. Вернёмся, перекусим. А ты потом походи по городу, осмотрись. Вокруг лагеря всё изучи. Мало ли как сложатся события. Может пригодиться.

Эльяр ещё раз бросил взгляд на странное сооружение и кивнул. Его сердце билось чаще. Здесь, среди руин, под тенью башен и зелёных зарослей, каждый камень хранил тайну. И кто знает – может, скоро эти тайны станут не просто загадками, а частью их судьбы.

Они двинулись обратно, но не той дорогой, по которой пришли. Терент повёл Эльяра через пролом в стене, где корни деревьев раздвинули каменные блоки, образовав подобие лест-

ницы. По пути он показывал ориентиры: обвалившийся купол, под которым в тени собирались птицы; разбитый фонтан, заросший папоротником; рельефы на стенах, где когда-то были изображены сцены жизни прежних обитателей города.

– Запоминай, – бросал Терент коротко. – Если что-то случится – будешь знать, где прятаться, а куда лучше не соваться.

Эльяр кивал и внимательно вглядывался в окружающие развалины. Каждый поворот, каждый закоулок он запоминал так, словно чертил карту в памяти.

Когда они обогнули обломки древней колоннады и начали спуск к лагерю по широкой покрытой трещинами лестнице, Эльяр вдруг спросил:

– Терент... почему ты вчера вечером сказал тем людям, что я твой сын?

Терент, шагавший впереди, остановился и оглянулся через плечо. Лицо его было спокойным, но в глазах скользнула усталость.

– Ты слишком близко к сердцу принимаешь разные условности, – проговорил он. – Это просто слова. Те люди не из тех, перед кем я должен рассыпаться в объяснениях или оправданиях. Не их это ума дело. Больше им знать не обязательно.

– Но... – начал было Эльяр, – не нужно скрывать своих добрых поступков. Доброта – это не слабость!

Терент усмехнулся. Линии усталости на его лице на мгновение смягчились, но голос остался твёрдым.

– Слабость не в доброте, – сказал он. – Слабость в том, чтобы раскрывать душу каждому встречному. Люди любят знать чужие тайны. Сперва расспросят из любопытства, а потом, если понадобится – используют это против тебя.

Он повернулся и продолжил спуск. Эльяр поспешил за ним.

– Но как они могут использовать это? Что плохого, если они узнают, что ты...

– Не знаю. И знать не хочу. Я просто отсекаю любую возможность. Так спокойнее. Никому ничего лишнего.

Впереди, между разрушенных стен, уже виднелся их лагерь – дымок от костра, тёмные силуэты людей.

Эльяр шагал рядом, молча обдумывая слова Терента. Где-то в глубине души он чувствовал: за этой внешней суровостью скрывается не просто осторожность. Там была боль старых предательств и утраты. И, возможно, страх – не за себя, а за него, Эльяра.

Когда они вернулись к арке древних ворот, солнце уже стояло высоко.

Терент подошёл к своей палатке. Он достал кусок тёмного хлеба, ломоть твёрдого сыра и бутылку с холодной родниковой водой. Положил все это в небольшую сумку, перекинул её через плечо и сказал:

– Завтракай. До вечера свободен. Осмотрись вокруг, как я говорил. А мне ещё нужно в пару старых мест.

Не дождавшись вопросов, Терент снова шагнул в сторону руин. Его силуэт быстро скрылся за полуразрушенной аркой, растворившись среди теней покинутого города.

Он двигался уверенно, ловко преодолевая преграды: где-то перелезал через нагромождения камней и обвалившиеся стены, где-то перепрыгивал узкие проломы, поросшие травой. Там, где путь загораживали густые заросли, в ход шёл меч – короткие взмахи, и ветви падали, открывая проход.

Слева показалось старое здание с обвалившейся крышей. Когда-то именно тут располагалась их база, логово всей банды. В те времена здесь всегда шумели голоса, потрескивал огонь в очаге, и стены знали больше тайн, чем мог бы вынести любой обычный человек.

Терент бросил на здание равнодушный взгляд, но даже не замедлил шаг. Ностальгия его не мучила. Скорее наоборот – это место вызывало неприятное чувство, как старый шрам, напоминая о том, что давно должно быть забыто. Древние, молчаливые руины были ему куда милее людских притонов. В руинах он чувствовал себя свободнее.

Птицы перекликались в вышине, где в просветах между башнями синело небо. Пару раз навстречу ему мелькнули мелкие зверьки – то рыжая лисица юркнула в тень, то выскочил заяц и тут же исчез в зарослях. Всё вокруг дышало покоем. Временным, обманчивым, но покоем.

Он пересёк аллею, где вдоль обочин стояли фигуры каменных птиц с расправленными крыльями. Века стерли их лица, обломали когти, но даже в разрушении они казались готовыми к полёту.

Миновал гигантскую статую: человек с головой тигра, возможно, древний царь или божество.

У входа в катакомбы Терент ненадолго остановился. Каменное отверстие, обрамлённое резьбой, вело вниз, во тьму. Изнутри тянуло холодом и запахом сырости. По всему городу было разбросано множество входов в катакомбы. Некоторые были с улицы, а в некоторые можно было войти прямо из зданий. В здании, где находилось логово банды можно было спуститься в катакомбы, не выходя на улицу. Оломир частенько пропадал там. Он мог уйти в темноту древних коридоров на долгие часы или даже на несколько дней. Что он там делал – никто не знал. Никто не спрашивал. Просто принимали как некую странность. Терент невольно нахмурился. Катакомбы давили. Он не любил их. Он любил простор, прямой свет, возможность видеть, что перед тобой и что за спиной.

Тем более в лабиринтах подземелья не мудрено было заблудиться, а Терент в любой затее и любом деле предпочитал видеть прогнозируемый результат своих действий.

Он отвернулся от зева катакомб и пошёл дальше.

Наконец показалось нужное здание. Оно стояло у пересечения двух широких улиц, по обеим сторонам которых дикой стеной поднялись заросли. Когда-то это сооружение было роскошным дворцом или храмом.

Крыльцо поддерживали массивные статуи чудовищ: не то львы, не то неведомые звери с клыками и крыльями. Сейчас они были покрыты мхом и лишайниками, но ощущение силы и суровости сохранилось.

Терент уверенно поднялся по выбитым ступеням. Прошёл сквозь вестибюль с обвалившимся потолком, где сквозь трещины пробивались лучи света. Поднялся на второй этаж по уцелевшей лестнице, осторожно обходя обвалившиеся участки.

Длинный коридор встретил его запахом старого камня и влаги. Стены были украшены выцветшими фресками, едва различимыми под слоями времени. В конце коридора – дверь без створок, ведущая в небольшую комнату.

Она.

Комната почти не изменилась. Пол был завален пылью и мусором, но очертания знакомой обстановки угадывались без труда. Ветви плюща просунулись сквозь проем окна, по полу стелился зелёный ковёр из мха.

Терент замер на пороге.

– Да, для нас двадцать лет – целая жизнь, – тихо произнёс он. – А для этих стен – лишь мгновение.

Он подошёл к окну, где в дальнем углу виднелся знакомый выступ в кладке. Присел на корточки, провёл пальцами по шершавой поверхности. Раствор, между несколькими камнями немного отличался по цвету от соседних швов. Остриём ножа Терент осторожно начал расковыривать раствор. Раствор легко поддавался.

И наконец, плоская плита с глухим стуком отодвинулась в сторону, открывая нишу. Внутри лежал ящик. Дерево потемнело, местами потрескалось, но всё ещё сохраняло прочность.

Терент вынул из кармана небольшой ключ на кожаном шнурке. Вставил в потемневший замок. Повернул.

Крышка ящика скрипнула. Внутри, завернутый в грубую ткань, покоился предмет, который он спрятал здесь два десятилетия назад. Он развернул ткань и внимательно осмотрел содержимое.

На его лице появилась редкая улыбка.

– Всё на месте. Отлично, – произнёс он с удовлетворением.

9. Игнат приехал

Утро было спокойным. Ветерок едва колыхал высокие травы у палаток. Дым от костра поднимался тонкой струйкой, растворяясь в голубизне неба. Птицы щебетали где-то в кустах, не обращая внимания на людские заботы.

Эльяр сидел возле своей палатки. На коленях у него лежали кусок хлеба, ломоть ветчины и бурдюк с водой. Еда была простая, но сытная. Он ел неторопливо, прислушиваясь к знакомым утренним звукам лагеря. Время от времени бросал взгляд туда, где Семён и Федька возились у костра.

Курица уже зажарилась до золотистой корочки. Семён снял её с вертела, положил на дощечку и принялся разрезать широким ножом. Пар шёл вверх, неся с собой запах приправ и поджаристой кожи. Федька облизывался, уже держа наготове деревянные тарелки.

– Эльяр! – крикнул он, махнув рукой. – Чего там один сидишь? Иди к нам!

Юноша колебался. Терент велел ему держаться особняком. «Меньше слов – меньше бед». Но аромат жареной курицы перебивал осторожность. Сейчас рядом не было ни Терента, ни его строгого взгляда. Только запах курицы, дым и добродушное лицо Федьки.

Эльяр встал, подхватил свою ветчину и хлеб и направился к костру.

– Вот и правильно, – обрадовался Федька, – вместе веселее.

Семён лишь кивнул. Его лицо было сосредоточенным, как у человека, привыкшего заботиться сначала о деле, потом – о беседах.

Эльяр положил свою снедь рядом на плащ, расстеленный как скатерть. Федька сразу сунул ему куриную ногу:

– Бери! Здесь всем хватит.

Завтрак начался. Поначалу молча: все ели, наслаждаясь горячим мясом. Костёр потрескивал. Трава шуршала под лёгким ветром.

Федька, не любивший долго молчать, первым нарушил тишину:

– Ну что, как ночевал? Палатка не промокла?

– Нет, всё в порядке, – коротко ответил Эльяр.

– А комары? Нас с Семёном ночью чуть не сожрали, – продолжал Федька с улыбкой.

– Терпимо, – снова уклончиво сказал Эльяр. Он чувствовал, как Семён время от времени бросает на него внимательные взгляды. Не подозрительные, скорее, оценивающие.

Семён улыбнулся:

– Слышь, ты как Терент вылитый. Коротко, и по делу. Ты всегда такой серьёзный?

– Кто-то же должен быть серьёзным.

Федька рассмеялся, но тут же сменил тему:

– А откуда вы с Терентом? Издалека ехали? Мы то вот с ближайшей деревни – нам рукой подать.

Эльяр насторожился. Вопросы шли один за другим. Он вспомнил слова приёмного отца: «Не говори лишнего.»

Он положил кость на край плаща и сам задал вопрос, чтобы перевести разговор:

– Какой город огромный! Интересно почему заброшенный? Видно, что вложено в него много сил и ресурсов? Однако же и сейчас не используют, наверно из-за болот!?

Семён оживился:

– Конечно из-за болот. Сюда бы дорогу насыпать. Тогда и караваны пошли бы. Купцы любят надежные дороги. Да кто ж вложится? Ты представь сколько сыпать придется. Может потому город и забросили – заболотилась местность по какой-то причине. Нет дорог – нет торговли, нет доставки продовольствия и материалов. Без сообщения с внешним миром любой город загнётся. Я так думаю.

Федька, размышляя, повёл палочкой по земле:

А может, не только болота. Глянь, какие стены. Толстенные. Будто не просто торговый город был, а крепость. Может, была война. Или чума.

Эльяр поднял голову:

– Или этот город специально построили среди болот, чтобы отгородиться от внешнего мира. Такое ведь тоже может быть?

Разговор мог бы пойти дальше, но тут раздался голос:

– Мир вам. Приятного аппетита.

Они подняли головы. Перед ними стоял Игнат.

Игнат привязал своего коня немного поодаль, где высокий кустарник заслонял его от случайных взглядов. Ещё издали он заметил костёр и людей, собравшихся вокруг. В груди неприятно заныло. Решив сперва оценить обстановку, он спешился и, пригнувшись, осторожно двинулся вперёд.

Трава шуршала под сапогами, но Игнат изо всех сил старался не шуметь. Пробираясь между корявыми корнями и мохнатыми кустами, он подошёл ближе к древним, полуразрушенным воротам. Здесь когда-то был въезд в город, теперь же каменные створки обвалились, поросли мхом и травой. Игнат укрылся за густым кустарником и замер, внимательно вглядываясь в фигуры у костра.

У огня сидели трое. Старшего Игнат узнал сразу – Семён. Тот почти не изменился: такая же массивная фигура, чуть поседевшие волосы, прямой взгляд. Рядом двое молодых. Видимо, ученики или сыновья. Больше никого поблизости видно не было.

«Ну что же... Это даже неплохо», – подумал Игнат. От Семёна, в крайнем случае, можно будет удрать. От Терента – вряд ли бы удалось.

Он выждал ещё немного. Сердце стучало быстро, но разум оставался холодным. Перекрестившись, Игнат решительно вышел из своего укрытия. Подошёл к костру, стараясь ступать тише.

Трое у огня были так заняты беседой, что не заметили его приближения. Игнат напустил на лицо выражение благочестия – такое, какое полагалось священнику, – и негромко произнёс:
– Мир вам. Приятного аппетита.

Семён резко обернулся.

– Чёрт возьми... Игнат? Ты что ли? Какого хрена ты так подкрадываешься? Откуда взялся?

– Прошу прощения, если напугал, – спокойно ответил Игнат.

Семён уставился на него. Лицо оставалось настороженным. Несколько долгих секунд он разглядывал гостя, будто пытаясь убедиться, что это не обман зрения. Игнат почувствовал, как напряглись мышцы.

«Пока не вцепился в горло – уже неплохое начало», – подумал он сдержанно.

– Ты священник? – недоверчиво спросил Семён. – Священник? У тебя же руки по локоть в крови невинных! И теперь ты стал служителем Господа? Твой Бог тебе всё простил?

Игнат выдержал его взгляд и ответил ровно:

– Пути Господни неисповедимы.

Он на мгновение замолчал, затем предложил:

– Может, пройдемся? Не будем смущать молодёжь.

Федька, слушал их разговор, поднял голову и непроизвольно открыл рот. Его взгляд выражал удивление и жадное любопытство. Эльяр тоже внимательно прислушивался. Терент не скрывал тёмных страниц своей жизни, но и не вдавался в детали. Сейчас юноши впервые слышали обрывки того, что прежде оставалось недосказанным.

Семён кивнул:

– Да, пойдём. Только оставьте мне кусок, – бросил он через плечо Федьке.

Они медленно отошли от костра.

– Ладно, теперь ты поп. В принципе, это твоё дело. Лучше уж вешать лапшу на уши доверчивым крестьянам, чем грабить и убивать их, – сказал Семён. В его голосе звучала смесь презрения и усталости.

– Я предпочитаю слово «священнослужитель», – поправил Игнат.

Семён хмыкнул:

– Ещё бы! Ну так что? Ты тоже получил письмо, я полагаю?

Игнат внутренне напрягся. «Значит, он ещё не в курсе всех подробностей», – мелькнуло в голове.

– Да, получил. Никакой подписи. Приглашение на общий сбор для обсуждения старых дел, – солгал он.

– И всё? Ни слова о том, кто ещё придёт?

– Ничего больше, – уверенно ответил Игнат.

«Врёт», – понял Семён. По лицу бывшего товарища он увидел: тот что-то скрывает. Ради одной строчки никто бы не стал проделывать такой путь. Однако вслух он лишь произнёс:

– Ладно. Дождёмся последнего дня весны. Тогда и увидим.

– Да, – подтвердил Игнат.

Он замялся, потом решился:

– Семён... Я хотел бы с тобой обсудить кое-что... Ты всегда был самым спокойным и рассудительным среди нас. Как пройдут ближайшие дни – неизвестно. Я просто прошу: не делай поспешных выводов. Всё может оказаться не таким, каким кажется на первый взгляд. Люди порой совершают ошибки не от злого умысла, а по глупости или под давлением обстоятельств.

– Ты о чём? – спросил Семён с подозрением.

– Лишь надеюсь на твою мудрость. Тут соберутся люди с тяжёлым прошлым. Старые обиды могут всколыхнуть многих. И это может перерасти в нечто большее чем словесные перепалки. Я молю Бога, чтобы день прошёл без серьёзных конфликтов. Никому из нас это не нужно. Я переживаю за всех и всем желаю только добра. Верю господь не оставит нас в трудную минуту и даст всем нам терпения и понимания чтобы не судить друг друга слишком строго.

– Уже начал проповедь? Быстро ты от светской беседы к наставлениям переходишь! На меня это не действует понял!? – его голос стал угрожающим, – Увижу тебя рядом с Федькой – не обижайся!

Сказав это, он развернулся и пошел обратно к костру.

– Не знает. Точно не знает – выдохнул Игнат, – Пока никто ему не рассказал. От этой ходьбы по тонкому льду он вспотел.

«А ведь это только начало», – подумал с грустью Игнат.

10. Грандиозное прибытие

День выдался богатым на события. С самого полудня к древним воротам начали подтягиваться новые участники странной встречи.

Сначала прибыл мужчина довольно полной комплекции, лицо его блестело от пота. Он умело управлял тяжёлой повозкой. В кузове сидел пожилой человек – или, вернее сказать, старик преклонных лет. Одет просто, но чисто и аккуратно. Его руки дрожали, когда он с трудом вылез из повозки, опираясь на палку. Узкие глаза щурились от яркого солнца, губы шевелились, но слов Федька не расслышал. Старик обвел взглядом лагерь, морщины разошлись в дружелюбной улыбке, и он что-то сказал своему спутнику. Оба рассмеялись.

К ним первым подошёл Игнат. Его лицо сияло угодливой улыбкой. Он что-то заискивающе говорил старику, низко склонив голову. Старик с благодушным видом похлопал его по щеке, как добродушный дед шаловливого внука.

Следом подошёл Семён. Он молча пожал руку старику и толстяку. Поговорили тихо, чуть склонив головы друг к другу. Семён жестом указал на лагерь, что-то пояснил.

Даже Терент, который как раз вернулся из города, подошёл к старику. Пожал ему руку и коротко бросил несколько слов, после чего молча вернулся к своей палатке. Видно было, что старика уважали все, даже те, кто не склонен к особой вежливости.

Но это было лишь прелюдией.

Час спустя лагерь содрогнулся от куда более внушительного прибытия.

На дорогу выехал караван всадников. За ними шла карета с богато украшенным кузовом. Она была великолепно: укреплённый каркас, мощные колёса на особом креплении, сложная подвеска, смягчающая толчки. Федька такую карету уже видел – они с Семёном как-то ремонтировали одну похожую. Семён тогда сказал: «Стоит такая больше, чем весь наш хутор».

За каретой ползли несколько гружённых телег. Всё выглядело внушительно и дорого.

Федькин взгляд задержался на карете. Она была... чистая. Совершенно чистая. Несмотря на то, что дорога к лагерю шла по болотистой местности, колёса и нижние панели блестели свежестью. Значит, где-то неподалёку караван остановился, и карету тщательно отмыли перед финальным въездом.

«Хозяин явно желает произвести впечатление», – отметил про себя Федька.

Во главе процессии ехал мужчина в роскошном плаще. Пряжки на его сапогах блестели. Лицо выражало холодную важность и некую напыщенность. Он держался с достоинством, как полководец на параде.

Карета остановилась. Из неё, приподняв подол багрового платья, вышла женщина. На ней была широкополая шляпа, руки обтянуты изящными перчатками. Её поза говорила: смотрите на меня. И все действительно смотрели.

Женщина встала на нижнюю ступеньку кареты и медленно, с наслаждением осматривала лагерь. Глаза её, как у хищной птицы, выискивали, кто и как на неё смотрит. Видно было: ей это нравилось.

Наступила торжественная пауза.

И тут...

Из одной из последних телег высунулась голова мужчины крайне неряшливого вида. На лице его сияла счастливая, абсолютно неуместная улыбка. Волосы были всклокочены, рубаха расстёгнута на груди, штаны засалены.

– А вот и я! – заорал он так, что даже птицы вспорхнули с ближайших развалин. – Эй, вы что, все ради меня тут собрались? Какая честь!

Женщина в красном резко повернула голову в его сторону. Её глаза сверкнули гневом. Затем она повернулась к мужчине в плаще и ее взгляд кричал: сделай что-нибудь!

Тот лишь удручённо покачал головой, как учитель, который в сотый раз увидел шалости нерадивого ученика.

Мужчина в телеге уже встал во весь рост:

– Господа! – громко провозгласил он, расправляя мятый ворот рубахи. – Встречайте величайшего путешественника современности! Привёл вам караван, как у царей восточных!

Он спрыгнул с телеги, запнулся о верёвку, но тут же выпрямился и гордо зашагал к лагерю, размахивая руками.

– Смотрите, какой обоз я с собой приволок! – продолжал он на всю округу. – И карету, и всадников, и дам благородных. Всё ради вас! Не благодарите.

Федька видел, как всадники начали спрыгивать с лошадей. Кто-то тихо посмеивался. Женщина в красном презрительно отвернулась, плотно сжав губы.

– Кто не рад старому другу – тот сам себе враг! Ну что, скучали по мне?

Подойдя ближе, Остап театрально развёл руками:

– Все в сборе, как на старые добрые разборки. Только теперь решать будем не кто кому должен, а кто кому прощает!

Он рассмеялся так громко, что даже кони у каравана нервно затопали.

Остап, не замечая гнетущей тишины, продолжал:

– Ваши кони нервничают? Знают, кто тут главный жеребец!

Семён только покачал головой и сказал Федьке:

– Вот уж кому скучно не бывает.

Остап подмигнул Федьке и добавил вполголоса:

– Я приехал, теперь и вам скучно не будет!

Настроение в караване ощутимо изменилось. Момент торжественного прибытия оказался безвозвратно испорчен. Пока слуги раскладывали тюки и устанавливали шатры, а дамы картинно шептались у кареты, взгляды вновь и вновь скользили к фигуре Остапа.

Федька заметил, как Остап уже беседовал с тем самым стариком. Громогласная бравада сменилась спокойным, серьёзным тоном. Эта неожиданная перемена удивила и насторожила.

В голове у Федьки мелькнула мысль: вся недавняя клоунада была не случайна. Это не импровизация. Это был тщательно продуманный ход.

11. Эльяр и её взгляд

Эльяр увидел её, когда в лагерь прибыл богатый караван. Первой его взгляд зацепила женщина в красном – она стояла на подножке кареты, высокая, статная, с точёной фигурой и уверенной осанкой. Её платье алело на фоне болотной серости, как капля крови в песке. Все смотрели на неё – как на огонь: с восхищением и опаской. И Эльяр, как и остальные, не мог не обратить внимания.

Но именно та, другая, которая вышла следом – тихая, незаметная, с тонкой талией и неуверенным движением рук – осталась у него в памяти. Она не сияла, как женщина в красном, но её свет был мягким и тёплым. Не блеском – а теплом. Не вызовом – а тишиной.

Юная, в простом платье, она явно была служанкой. Шла за хозяйкой с опущенными глазами, но с каким-то достоинством, словно не пряталась, а просто не привыкла быть в центре внимания. И даже простенький наряд не портил впечатление, а скорее дополнял его и усиливал. Когда она подняла голову, их взгляды случайно встретились. Мгновение – и всё. Но этого было достаточно.

Он не смог бы объяснить, что именно его зацепило. Не красота – хотя в её лице было что-то очень нежное, ласковое. Не голос – он его ещё даже не слышал. Может, эта лёгкая улыбка уголками губ? Или взгляд – неугасающий, глубокий, словно она уже знала что-то о нём, чего он сам о себе не знал?

Всё в ней было как-то по-другому. Никакого жеманства, никакого блеска, только простота и внутреннее спокойствие. И именно это цепляло сильнее любых нарядов и украшений.

После того он пытался убедить себя, что это просто любопытство. Он, как и сказал ему Терент, решил обойти близлежащую местность, но ноги сами несли его ближе к стоянке, где расположился караван. Он невольно вытягивал шею в надежде увидеть её.

Он и сам не заметил, как стал ждать момента, чтобы мельком увидеть её силуэт, услышать звук её шагов, почувствовать, что она где-то рядом. И каждый раз, когда замечал её вдалеке – будь то у костра, у повозки или возле лошади – в груди отзывалось лёгкое, странное волнение. Раньше с ним такого не случалось.

Терент, конечно, заметил перемену во взгляде и в поведении Эльяра. Он видел, как Эльяр время от времени косился в сторону стоянки каравана, как вдруг начинал нервно поправлять ремень на поясе, как у него в голосе появлялась та едва уловимая, но понятная дрожь, когда кто-то заговаривал о приезжих. И вот вечером, когда они вдвоём сидели у тлеющего костра, и над лагерем стелился густой запах дыма и сосновых игл, Терент, не отрывая взгляда от огня, сказал негромко, но с тем самым тоном, который не терпел отговорок:

– Ты должен с ней познакомиться.

Эльяр вздрогнул, как от холодной воды.

– С кем?

Терент хмыкнул, не поворачивая головы:

– Не прикидывайся. Я не слепой. От тебя за версту вее влюблённостью.

– Да какой ещё влюблённостью? – неловко усмехнулся Эльяр, – ты чего, Терент? Просто... просто она как-то... ну, понравилась, наверное...

– «Просто понравилась, наверное...» – передразнил Терент с лёгкой усмешкой, но не злой. – Некоторые мужчины при виде женщины теряют равновесие. Как лошадь на льду – ноги разъезжаются, разум отключается. Вот и ты. Всё вроде бы на месте, а мысли врозь.

Он сделал паузу, подбросил в костёр щепку, от которой пламя чуть взвилось, отразившись в его глазах.

– Влюблённость, – продолжил он, – на мой взгляд – болезнь. Острая, но чаще всего короткая. Особенно если не затягивать. Чем быстрее ты с ней поговоришь, чем быстрее поймёшь, кто она на самом деле, – тем быстрее отпустит. Вся тайна – в незнании. Когда человек тебе неизвестен, ты сам его додумываешь, рисуешь, украшаешь. А потом узнаешь поближе – и видишь: не ангел, не идеал. Просто человек.

Эльяр молчал. Он то смотрел в огонь, то искоса на Терента.

– Чем быстрее наладите контакт, чем быстрее сойдётесь, тем быстрее отпустит. Тем быстрее поймёшь, что ничего такого в ней и нет. Начнёшь очень быстро замечать не только достоинства, но и недостатки. Так что, как по мне, то лучше не тяни с этим., – мягко сказал Терент. – Хуже нет, чем влюблённость, не получившая выхода. Она как нарыв – если не вскрыть, будет гнить внутри. Подойди. Поздоровайся. Завяжи разговор. Узнай, кто она. Может сразу поймёшь, что это не твоё – и забудешь. Или... – он сделал паузу и усмехнулся краем рта – ... или не забудешь.

12. Милена

Внутри просторного шатра, затянутого плотными тканями и украшенного драпировками, Милена сидела на мягком табурете, обитом бархатом тёплого изумрудного оттенка. Перед ней стояло большое зеркало в резной раме – один из тех предметов, без которых она не мыслила своего быта. Даже в самой глухой глуши, даже среди болот и полуразрушенных руин, где другие довольствовались простейшим укрытием и сухим пайком, Милена окружила себя элементами комфорта. Так было всегда, и менять привычки она не собиралась. Уют, порядок и изысканность были для неё не капризом, а доказательством власти, статуса и внутренней стойкости.

На коленях у неё лежала шёлковая накидка, а позади стояла Эсма – юная, тихая, сосредоточенная. Её ловкие пальцы мягко расчёсывали густые, тёмные волосы Милены, по пряди за раз, от корней до кончиков. Эта процедура обычно действовало на Милену умиротворяюще. В такие минуты она забывала о суете, о людях, о возне вокруг. Но не сегодня. Сегодня раздражение тлело под кожей, как уголь под пеплом.

Она вновь и вновь прокручивала в голове момент их прибытия. Всё должно было пройти идеально. Торжественно, уверенно, с блеском. Но всё рухнуло в одно мгновение – благодаря этому пьянице. Этому жалкому, оборванному выродку, чьё появление перечеркнуло все их усилия. Впечатляющая сцена прибытия должна была вызвать зависть и восхищённые взгляды, а получилось нечто сумбурное. Они – и она, и Рейнар – выглядели глупцами. Она ощущала это как пощёчину. Как публичное унижение.

Милена с отвращением думала о пьющих. Ни капли понимания, ни капли сочувствия. Алкоголь – удел слабых. Рейнар, слава небесам, всегда был равнодушен к вину, позволяя себе пару бокалов хорошего напитка только по большим праздникам, и то – исключительно в компании самой Милены. Среди слуг спиртное было категорически запрещено, и этот порядок никогда не нарушался. И вот – такой позор!

Сразу после инцидента Милена, кипя от гнева, приказала Осипу: выпотрошить суму Остапа и вылить всё найденное там спиртное. В её представлении это должно было задеть Остапа до глубины души. «Алкоголики... – с презрением подумала она. – У них вся жизнь крутится вокруг бутылки. Налил – ты друг, не налил – враг на век». Этот удар должен был быть первым. Она не собиралась останавливаться. Мечь – её тонкое, любимое искусство. И этот спектакль только начинался.

– Осип пришёл? – спросила она, не оборачиваясь от зеркала.

– Сейчас гляну, – отозвалась Эсма.

Девушка скользнула к выходу шатра, приподняла полог и выглянула наружу. Неподалёку стоял Осип, неторопливо пинал носком сапога мелкие камешки.

– Пришёл, – сказала Эсма, повернувшись.

– Зови, – коротко бросила Милена.

Эсма кивнула, направилась к Осипу и негромко сказала:
– Вас зовут. Можете заходить.

После чего села недалеко от входа.

Осип вошёл. Его шаги были уверенными, но слегка вялыми – он знал, что сейчас его ждёт очередная волна раздражённой требовательности.

– Вылил? – не дожидаясь, когда он устроится, спросила Милена.

– Вылил, – кивнул он, опускаясь в кресло напротив. Тон его был спокойным, почти усталым.

– И как он отреагировал? – в голосе Милены зазвучала не только жажда мести, но и искренняя надежда. Её глаза сузились, ожидая рассказа о гневе, истерике, хотя бы недомении Остапа.

– Да никак, – пожал плечами Осип, устало проводя рукой по щетине. – Даже не спросил.

Милена нахмурилась. От удивления в её взгляде на мгновение исчезла злость. Это было неожиданно. Очень странно. Остап, этот пьяный тип, даже не попытался возмутиться? Ну ничего. Она не простит. Она дождётся своего часа.

– Странно, – прошептала она почти про себя. – Запомним это.

– Что делает Рейнар? – быстро сменила она тему, стараясь сохранить лицо.

– Общается со своими бывшими... – Осип на секунду запнулся, – ...знакомыми. Я своих людей расставил по периметру, чтобы глаз да глаз. Юрку отправил к подросткам, пусть с ними познакомится, пообщается. Он болтливый, всё выложит потом, не фильтруя.

Милена ненадолго замолчала, глядя в зеркало. Казалось, она просто поправляет локон, но её взгляд стал напряженнее. Затем, будто вскользь, с ноткой безразличия в голосе, она спросила:

– Женщины в лагере есть?

– Нет. Ни одной.

Милена едва заметно напряглась.

«Ни одной...» – эхом повторилось в голове Милены.

Письмо. То самое письмо, с которого всё началось. Оно было написано от имени женщины. Женской рукой – уверенной, чуть манерной, с фразами, в которых сквозила уверенность в себе и тонкое знание её слабостей. Только женщина могла бы написать так – без напора, но точно в сердце. Так, чтобы зацепить.

А теперь – в лагере нет ни одной.

Её взгляд стал острым, как лезвие ножа. Что это значит? Кто тогда был автором письма? Мужчина, замаскировавшийся под женщину? Зачем? Чтобы внести элемент женского соперничества?

Это был не просто обман. Это была игра. Сложная, выстроенная заранее. И что хуже всего – игра, в которой она не игрок, а фигура. Милена всегда была на шаг впереди. Она сама плела интриги, расставляла сети, манипулировала нужными людьми. Но сейчас... Сейчас она ощущала, как кто-то ведёт её, как по нитке. Как в спектакле, где она – актриса, но не автор.

Ей стало не по себе.

– Странно, – произнесла она вслух, будто комментируя что-то постороннее.

Осип молчал.

– Продолжай наблюдать, – резко сказала Милена, прерывая затянувшуюся паузу. – Всё, что покажется хоть немного странным – докладывай. Сразу же.

После этих слов она отвернулась обратно к зеркалу, сделав едва уловимый кивок. Это был её способ сказать: «разговор окончен». Осип молча поднялся и вышел, а Эсма вновь подошла к креслу и продолжила расчёсывать волосы Милены.

13. Знакомство с Иваном Савичем

23 года назад

Комната, в которой находился Рейнар, была своеобразным музеем греха и славы. На полках вдоль стен громоздились всевозможные предметы: канделябры из церковного серебра, ножны с восточной вязью, старинный кинжал с инкрустацией, высохшая рукопись на латыни, которую, скорее всего, никто уже не смог бы прочитать. Всё это напоминало не столько логово разбойника, сколько архив параноика-коллекционера, жадно собирающего подтверждения своей власти и значимости.

Рейнар сидел, чуть наклонившись вперёд, скрестив пальцы перед собой, и медленно осматривал каждый предмет. Это была не праздная любознательность. Он всматривался в обстановку, как в отпечатки характера хозяина. Это был не просто кабинет, это был храм Оломира – иконостас его побед, его страхов, его тщеславия.

Рейнар поднялся с места и, слегка потягиваясь, прошёлся вдоль стены. Его взгляд скользнул по обстановке комнаты, пока не остановился на тяжёлом дубовом шкафу. Массивный, с потемневшим от времени лаком и отполированными краями – он казался здесь не к месту. Скорее его можно было бы представить в кабинете профессора или учёного, чем в логове главаря банды. Интерес взял верх.

– Посмотрим, что за книги читает тот, кто держит в страхе половину края, – пробормотал он себе под нос.

В уме он уже нарисовал такую картину: затёртые романы с вульгарными обложками, охотничьи альбомы, тома с вырезанными сердцевинами, а внутри нож или бутылка чего-то крепкого.

Но когда он подошёл ближе и начал читать названия корешков, то на миг остолбенел.

На полках, ровно и педантично выстроенные, теснились десятки книг – увесистых, в твёрдом переплёте, кое-где с выцветшими корешками. Но главное – названия. Они сбили его с толку.

«Оптика и структура света»

«Фотонные решётки и интерференционные эффекты в кристаллах»

«Металлы и излучение: взаимодействие света с благородными сплавами»

«Геология недр: породы, давление и энергетические особенности минералов»

«Кристаллы. Геометрия, светопроницаемость, внутренняя память материи»

«Введение в системную минералогия: природные структуры и их повторяемость»

«Акустика и свет. Совмещение колебательных сред»

«Искусство оптической сборки: линзы, зеркала и механика света»

– Что за... – прошептал он, провёл пальцами по корешкам.

На мгновение показалось, что он ошибся. Это не могла быть библиотека Оломира. Того Оломира, который возглавляет набеги на караваны! Того самого, кто, не дрогнув глазом мог запустить нож в спину беглецу! Неужели всё это... его?

Рейнар вытащил одну книгу – «Фотонные решётки...» – и приоткрыл её. Поля были исписаны аккуратным, немного сжатым почерком. Некоторые строки подчёркнуты, рядом – пометки: «сравнить с эффектом из главы 5», «возможное применение – нижние этажи», «перепроверить расчёты». В другой книге – «Кристаллы...» – он заметил вставленный между страницами старый обрывок бумаги с формулами и эскизами. Это были не простые заметки, это был рабочий материал.

И что ещё более удивительно – часть книг была на других языках. Французская монография с гравюрами оптических установок. Итальянская работа о фрактальных структурах в минералах. Толстый немецкий том про кристаллы, весь испещрённый жёлтыми закладками.

Эти книги собирались долго. Часть – старые, с пятнами, другая – почти новые, но уже с загнутыми уголками. Это не была показуха. Это была настоящая, одержимая страсть к знанию.

И тут он заметил нижнюю полку. Она выбивалась из общего ряда. Весьма пыльная, будто заброшенная. Там стояли книги, которые он как раз и ожидал увидеть:

- «Военные хроники»
- «Тысяча приёмов ножевого боя»
- «Тактика скрытого нападения»
- «Казни и пытки: от древности до наших дней»
- «Как держать людей в страхе»
- «Сломать без крови: психологическое давление»

Рейнар провёл ладонью по пыльным корешкам – на пальцах осталась серая полоска. Этими книгами давно никто не интересовался.

Он отступил назад и окинул весь шкаф долгим взглядом. У него не укладывалось в голове.

Он не нашёл ответа и медленно вернулся в кресло.

В эти два дня Рейнар трижды приходил сюда, надеясь застать Оломира. Но каждый раз его либо не было, либо он, не поднимая взгляда, отмахивался: «Занят». Сначала Рейнар подумал, что тот просто играет в какую-то игру, испытывает. Но потом – как бы между прочим – прозвучало: «Я скоро уеду. План обсудишь с Иваном Савичем завтра здесь в полдень». Обсуждать с бухгалтером то, над чем он бился неделями? Но в следующую секунду Рейнар одёрнул себя. Иван Савич – не просто клерк. Всех в банде называли по именам даже главаря или по кличкам. Однако это не относилось к Ивану Савичу. Может возраст был причиной.

Рейнар видел его пару раз издалека. Среднего роста, сутуловатый, в тёмном сюртуке с часами на цепочке. Казалось, он всегда находился чуть в стороне, в тени, но при этом всё знал, всё замечал. И именно он хранил в голове счета, доли, местоположения тайников и даже, гово-

рят, имена тех, кто однажды оказался ненадёжным. Такой человек мог быть опаснее любого амбала.

Звук открывшейся двери оборвал размышления. Рейнар сразу выпрямился.

На пороге стоял пожилой мужчина с удивительно светлой и добродушной улыбкой. Он не спешил заходить, словно проверяя, как его примут. Затем шагнул внутрь, аккуратно прикрыл за собой дверь и направился к креслу.

– Рейнар, я полагаю? – произнёс он мягко, но с той интонацией, в которой слышалось: «Я всё знаю». – А я Иван Савич. Рад. Очень рад знакомству.

Они пожали руки. Рейнар ощутил крепкое, живое пожатие. Затем Иван Савич уверенно направился к креслу Оломира и сел в него с такой естественностью, словно оно всегда принадлежало ему. Этот жест не был случайным. Он многое значил.

– Оломир вынужден был уехать, – сказал Савич, поудобнее устраиваясь. – Нам с тобой предстоит разобраться с тем, что ты придумал. Давай не будем тянуть кота за хвост. Перейдём к делу.

«Уехал», – мысленно повторил Рейнар, чувствуя, как в груди закипает раздражение. «Какие дела могут быть важнее предстоящего нападения? Там же золото! План я выверил до последней детали. Я хотел, чтобы он увидел – всё просчитано, всё подготовлено. Это мой выход! А у него дела!»

Он не дал мыслям захлестнуть себя. Сделал вдох. Выдох. Он был готов. Он выучил наизусть все что собирался сказать так будто это экзамен, а не обсуждение плана бандитского нападения на монастырь.

Он достал плотный, аккуратно свёрнутый лист и разложил его на столе. Перед Иваном Савичем предстал детально прорисованный план монастыря: с башнями, внутренними дворами, чередой боковых зданий, отметками о патрулях, хранилищах и потайных тропках, о которых знали лишь монахи и, теперь, Рейнар. Внизу были короткие заметки – времена смен караула, реакция на тревогу, примерное число охраны.

Рейнар склонился над планом, вытянул руку и уверенно указал на южный угол чертежа, где аккуратной линией была обозначена кладовая.

– Вот здесь, – произнёс он, и в его голосе слышалось волнение. – Именно здесь будут хранить золото. Не самое удобное место для доступа – но идеальное для хранения. Если мы пойдем через парадные ворота, – он провёл пальцем по извилистому маршруту, – нам придётся пробираться через весь монастырь. Вот тут – два лестничных пролёта, здесь – внутренний двор, охрана, посты. А тут – переход между двумя корпусами, там всегда многолюдно. Все эти коридоры станут ловушкой. Любой шум – и нас сомнут прежде, чем мы достигнем цели.

Иван Савич молча наблюдал за его движениями. Его глаза медленно, но точно следовали за каждым жестом, словно он перечитывал чертёж как старую книгу, где между строк скрыто куда больше, чем видно с первого взгляда.

– Большую партию золота, – продолжал Рейнар, – привезут в первых числах июля. Нападать на караван чревато большими потерями. Как всегда такие караваны охраняет большое количество солдат. Нападать на них тогда, когда они этого ожидают и готовы к этому – затея не самая умная тем более Оломир ясно сказал – минимизировать кровопролитие.

Он поднял голову, и посмотрел на Савича.

– Поэтому, – твёрдо продолжил он, – Мы позволим им беспрепятственно доставить золото в монастырь. Этот конвой – люди наемные их задача сопроводить ценный груз. После выполнения задачи они уедут. И в монастыре останется максимум два десятка монахов с оружием. Остальные – повара, переписчики, братья, читающие псалмы. Не солдаты. Будем начинать тогда, когда они меньше всего этого ожидают. Они думают, что их монастырь неприступная крепость и во многом это действительно так. С одной стороны вплотную река омывает стены монастыря, а с другой густой лес. Но мы используем эти особенности окружающего ландшафта.

Рейнар говорил и при этом чувствовал – каждое его слово фиксируют. Не просто слушают, а оценивают, взвешивают. И в глубине души Рейнар понимал – этот разговор важнее, чем встреча с самим Оломиром.

Савич кивнул, но не прерывал. Он внимательно слушал, а его пальцы медленно теребили уголок плана.

– Мы войдем там, где не ждут. Никаких парадных ворот. Никаких лестниц. Только ключевые точки.

Он снова ткнул в карту – в маленький закуток.

– Здесь – кухня. Ночью окно всегда открывают, чтобы уходил пар, чтобы проветрить помещение. Если не получится через кухонное окно, есть еще проржавевшая решетка – тоже недалеко от нужного нам места. Я уже внедрил в монастырь нашего человека. Он узнал много подробностей распорядка дня, часы смены караула, количества вооружённых людей, нахождение и назначение некоторых важных помещений.

– Кто это? – тихо спросил Савич, не отрывая взгляда от плана.

– Остап. Он уже две недели там.

На губах Савича появилась лёгкая, почти детская улыбка:

– Остап... да, этот проныра в любую щель пролезет. Любого разговорит. Хороший выбор. Очень хороший.

Савич медленно откинулся в кресле и сцепил руки на животе.

– Как будете проникать в кладовую? Там ведь дверь металлическая, – спокойно спросил Иван Савич, и его взгляд, казалось, лениво скользнул по плану.

Рейнар взглянул на него и на секунду задержал взгляд. Про себя отметил: не просто слушает, не делает вид – он в курсе. Савич знает расположение, знает, как устроен монастырь.

Даже знает, что дверь металлическая. Он тоже готовился. И теперь сравнивает, сверяет, ищет несовпадения.

– Да, дверь солидная, – проговорил Рейнар. – Тяжёлая железная, двустворчатая, на массивных петлях. И установлена в узком коридоре, не развернуться даже вдвоём. В лоб идти – безумие. Ключ у смотрителя, он в противоположном крыле. У него своя охрана, свой замок, свои ритуалы. Всё это – ловушки, время и кровь. Но...

Он выпрямился и с нажимом ткнул в план.

– Есть способ. Изначально это помещение было частью монастырской библиотеки. В том месте, где сейчас дверь, раньше был запасной выход – удобный, чтобы таскать книги. Позже, когда решили хранить здесь золото, библиотеку закрыли, а пространство перегородили капитальной стеной. С той стороны всё выглядит надёжно: камень, железо, замки. Но сверху – нет.

Иван Савич чуть приподнял бровь.

– Потолок?

– Именно, – кивнул Рейнар. – Потолок там – деревянные перекрытия. Над ними – чердак. Тёмный, пыльный, забытый. Пространство, в которое никто не лазал с тех пор, как библиотеку законсервировали. Крышу не стали закладывать – наверно, потому что это большая работа – нужно ломать крышу, выкладывать каменный свод. Они поступили проще – закрыли библиотеку на замок и всё крыло просто вывели из эксплуатации. Когда мы проникнем на чердак, вот здесь, мы сможем пройти по этому чердаку вдоль всего крыла до самого угла кладовой. И никто нас не услышит, потому что эти помещения не эксплуатируются. Мы проходим по чердаку – и прямо над нужным местом – разбираем несколько досок, делаем пролом и спускаемся вниз в кладовую.

– А караул возле двери?

– Нам не нужно устранять охрану. У них нет ключа от кладовой. Они услышат шум, догадуются что происходит, но ничего не смогут сделать. Массивная металлическая дверь в итоге станет нашей защитой. Их оружие окажется бесполезным. Пока они сообразят, что происходит, пока будут бегать за смотрителем, пока откроют дверь – мы уже вынесем все золото.

Савич прищурился:

– А как унесёте? Поднимут тревогу. Оцепят монастырь. Далеко не уйдёте.

Рейнар усмехнулся краешком губ:

– И об этом я подумал. Перед библиотекой есть цепочка помещений – нежилые, заброшенные с целью недопущения посторонних близко к кладовой. В одном из них складирован хлам: старые шкафы, обломки скамеек, доски, даже тряпьё. Целая гора мусора, которую никто не убирает уже лет пять. Когда поднимется тревога мы подожжём этот хлам.

Он провёл пальцем по плану, очерчивая направление.

– Монастырь стоит у реки. Постоянный ветер – тянет с воды внутрь помещения. Эти коридоры, как трубы, втягивают дым, как кузнечные меха. В нашу сторону дым не пойдёт,

Остап это уже проверил. Всегда в любую погоду и в любое время тяга идет внутрь помещений и в этих коридорах постоянный сквозняк. За минуту всё это пространство превратится в адское пекло: дым, гарь, удушье. Никто не пройдет. Ни один монах не рискнёт сунуться туда, где ничего не видно и нечем дышать.

Савич кивнул, но не сдался:

– А сами? Как выбираться будете?

Рейнар посмотрел на него спокойно. В его глазах уже не было той настороженности, что в начале разговора. Только уверенность и точный расчёт.

– В кладовой есть небольшое окно со ставнями, – начал Рейнар, указывая пальцем на угол плана. – Как ни странно, его не заложили. Наверно, чтобы хозяин этих богатств мог пересчитывать свое золото при дневном свете или посчитали, что пробраться через это окно невозможно. И в чём-то они правы.

Он на мгновение замолчал, будто давая весомость своим словам, и продолжил:

– Снаружи там отвесная каменная стена. Снизу – река. Сверху – крутая черепичная крыша. Снаружи действительно забраться не реально. Но мы то будет не залазить в окно, а вылезать из него.

Он опустил руку в сумку и начал выкладывать на стол предметы, один за другим, как фокусник, раскрывающий секрет своего трюка.

– Сначала – верёвка. Прочная, новая, пропитана воском. Один конец мы закрепим в кладовой, а второй – сбросим вниз. Внизу в этот момент будет ждать лодка. Внизу привяжут конец верёвки к борту – это не даст течению унести лодку далеко и в то же время это создаст необходимое натяжение. Поскольку монастырь выстроен вдоль реки, лодка окажется примерно в центре его стены. Даже если её заметят – попасть в неё сложно. С берега – неудобный угол. С противоположного берега – не получится. Никакой переправы поблизости нет. С других окон – там ведь все крыло будет в дыму, никто к окнам подобраться не сможет.

Затем он достал небольшую кожаную сумку. Она была крепкой, явно добротной работы, с толстыми швами. При сдавливании она пружинила и слегка поскрипывала. Сверху был прикреплен металлический карабин.

– Эта сумка – из прочной кожи. А вот здесь, – он провёл пальцем по внутреннему шву, – по всему периметру вшиты полоски пробкового дерева. Очень лёгкий и плавучий материал. Даже если сумка выпадет – она не утонет. Мы можем спокойно загружать в каждую такую сумку килограмм золота. После этого цепляем её на веревку – и она прямиком скатывается в лодку. Без шума, без всплесков, без риска потерять. Мы ничего не кидаем в воду напрямую, не теряем времени на вылов.

Он взглянул на Савича, выжидая. Но продолжил:

– После того как всё золото будет в лодке, мы сами по той же верёвке спустимся вниз. Когда отцепимся от веревки нас будет немного сносить течением – но это учтено. Чуть дальше по течению, где идёт отмель, нас будет ждать человек с лошадьми. Как только мы достигнем берега – уходим. Быстро. Уверенно. И без следа.

Он выдохнул. Руки у него были спокойны, взгляд твёрд. Казалось, он только что озвучил не план – а уже пережитый опыт.

Иван Савич сидел молча, наблюдая за каждым движением, каждым словом. Когда Рейнар закончил, Савич откинулся в кресле, сцепил руки перед собой и несколько секунд молчал. В его взгляде сначала было изумление, затем – интерес. А после – уважение.

– Вот это да... – наконец медленно вымолвил он. – Я многое слышал. Видел, как люди идут на дело с топорами, с дымовухами, с молитвами наперевес. Но чтобы – так...

Он кивнул, слегка склонив голову.

– Это не налёт. Это почти искусство. Точно, бесшумно, предусмотрено всё до мелочей. И – без крови. Мне это нравится.

Он посмотрел на Рейнара внимательно и, не меняя интонации, добавил:

– Ты молод, но у тебя голова на плечах. И не только голова – у тебя воля. Я видел, как другие сыпались уже на этапе плана. А ты – держишься. Спокойно. Уверенно.

Он протянул руку.

Рейнар пожал его руку. И впервые за весь разговор почувствовал: он прошёл испытание.

– Вот так и нужно действовать, – произнёс Иван Савич, с лёгкой усмешкой на губах. – Без крови. Быстро, чётко и с результатом. Если всё выгорит, это будет не просто удача – это будет блистательная победа разума над грубой силой. Мне это нравится.

Он встал, прошёлся по комнате, на ходу сцепив руки за спиной. Его шаги были неспешны, но в них чувствовалась энергия, будто в голове уже выстраивалась цепочка дальнейших событий. Через мгновение он остановился у стеллажа с пыльными томами, коснулся корешка одного из них и заговорил:

– Я расскажу тебе кое-что. Не так давно, ты, наверное, слышал... наши ребята ограбили почтовый караван. С добычей удирали от погони и, чтобы затаиться, укрылись в одной деревушке. В обозе были не только слитки и золотые монеты, но и мешки с медяками, бумажными деньгами. Ты же знаешь, как Оломир говорит – золото главное, остальное его не интересует, он даже не берёт с этого долю.

Савич чуть повернулся, снова взглянул на Рейнара:

– Так вот. Наши, чтобы облегчить ношу, по пути начали выбрасывать медяки – тяжелы, а ценности в них мало. И знаешь, в какой деревне это было? В бедной. В такой, где люди копейки считают. И что ты думаешь? Там их приняли за героев. Люди решили, что это были мстители, которые отняли богатства у зажавшихся богатеев и раздали беднякам. В итоге – укрыли их. Спрятали в подвалах, дали еды, воды. Обогрели.

Он усмехнулся, но взгляд был серьёзный:

– После этого случая я пришел к Оломиру и сказал: героическая слава среди бедноты – не обуза, а оружие. Её нужно лелеять. Если мы начнём – пусть даже понарошку – «раздавать» часть денег от имени банды... это будет нам только на руку. Поддержка народа – не игрушка.

Он снова начал рассказывать по комнате, теперь уже живее.

– Мы долго спорили. Но в конце концов он согласился. Решили создать новую группу – более... интеллектуальную, если хочешь. Без топоров, без луж крови. Золото – да, но с умом. Без крика. И вот, когда встал вопрос, кто будет главой этой группы... Оломир выбрал тебя.

Савич остановился прямо перед Рейнаром, посмотрел прямо в глаза.

– И, судя по твоему плану, он не ошибся. Если всё получится – это докажет, что я был прав. Что разум и расчёт могут быть не менее результативны, чем меч и топор. Так что – желаю тебе удачи.

Рейнар шагал по мрачным коридорам древних катакомб. За последнее время он бывал здесь не раз – и постепенно начал привыкать к этой тяжёлой, гнетущей атмосфере. Каменные стены, покрытые мхом и вековой копотью, словно дышали холодом. Тишина здесь была особенная – плотная, вязкая, нарушаемая лишь собственными шагами и редкими каплями воды, срывающимися где-то в темноте.

Но сейчас его мысли были далеко от этих стен.

Экзамен пройден. Его план принят. И не просто принят, а одобрен. Его услышали. Признали. Дали дорогу не только ему, но и его мыслям, подходу, стилю. Впереди – долгая подготовка, десятки мелочей, ночи без сна, но теперь всё это имело смысл. Он – не просто исполнитель. Он стал голосом новой идеи.

С другой стороны... Иван Савич.

Рейнар размышлял о нём, пока шёл под сводами катакомб. С виду – простенький пожилой человек. Добродушный, улыбчивый, будто сошёл с портрета старого учителя. Но под этой маской пряталось нечто иное. Совсем не просто бухгалтер... нет, куда глубже. Его слова, манера, интонации – всё выдавало человека, не только знающего, но управляющего.

Он спорил с Оломиром, – подумал Рейнар и сам покачал головой. С тем самым Оломиром, которого слушаются даже самые безбашенные ублюдки, которого боятся, как огня. С тем, кто правит бандой железной рукой, чей голос – закон.

А Савич – не просто спорил. Он убеждал. И Оломир соглашался.

Рейнар хмыкнул про себя. Поразительно. Не так-то он прост, этот Савич. За его вежливостью скрывается власть – тонкая, неочевидная, но очень реальная.

С ним надо быть осторожным, – заключил Рейнар. – Очень осторожным.

Рейнар вышел на свежий воздух. День клонился к вечеру, небо над лагерем налилось глубоким серо-синим, и в воздухе чувствовался лёгкий запах дыма и сырости – тени ночи уже крались между палатками.

Он остановился у входа, вдыхая прохладу, как будто хотел смыть с себя мрак катакомб. В этот момент неподалёку раздались голоса.

– Где Семён? Не видел? Он мне нужен.

– Видел, видел. В катакомбы отправился. Оломир его там ждёт.

Рейнар замер, не подавая виду. Ответ был будничным, будто речь шла о чём-то обыденном. Но следующие слова другого голоса были уже с оттенком раздражения:

– Какого хрена они там делают? Мёдом им там намазано, что ли?

Рейнар чуть прищурился. Вот тебе и «уехал»... – с холодной ясностью подумал он. Оломир всё это время был в катакомбах. Не с кем-то, не в дороге. Он здесь. И с ним – Семён.

Слова Савича снова всплыли в памяти: «вынужден был уехать». Уехать... вниз, под землю?

Какие ещё дела могут быть важнее подготовки к делу, в котором крутится столько золота? – с досадой подумал Рейнар. Что там такого, что даже сейчас, когда так важно все правильно рассчитать и подготовить, он предпочитает быть не здесь, не с нами, а внизу, среди камней, пыли и мрака?

И чем дольше он стоял, тем сильнее разрасталось внутри ощущение, что в этой истории есть нечто скрытое. Что-то, о чём ему не сказали.

14. Терент

Двадцать два года назад

Ночь окутала землю плотным покрывалом. В чёрной тишине над деревьями возвышался большой добротный дом – крепкий, его стены уходили ввысь. Дом был обнесён высоким забором с острыми вершинами, по углам темнели сторожевые башенки, а к массивным дубовым воротам вели глубокие следы от телеги – здесь явно жили с размахом. Во дворе угадывались хозяйственные постройки, в окнах тускло горел свет. Дом принадлежал человеку, у которого водились деньги.

Неподалёку, в темноте леса, затаились четверо. Они почти сливались с чёрными силуэтами деревьев, среди которых лишь едва были различимы движения их фигур. Впереди стоял широкоплечий амбал с густой окладистой бородой и мощными руками. Его звали Топор.

Он усмехнулся, глядя на дом:

– Вот это домина... – произнёс он, хрипло выдыхая. – Ворота отгрохал – думает, укроется. Ха! Если Серые Вороны пришли – никакие заборы не помогут, верно, братва?

Слева и справа от него почти одновременно кивнули двое. Лукавый, сухощавый и вечно улыбающийся плут с глазами, как у хорька, лениво подтвердил:

– Верно говоришь, Топор. Хорошие ворота – но таких как мы они не остановят.

Слева Череп – лысый, мрачный, с вечной ухмылкой и сверкающими глазами – лишь гоготнул в ответ.

Позади сидел четвёртый. Молодой – впервые на деле. Он молчал, не отводя взгляда от дома.

– Ну, когда уже дадут сигнал? – проворчал Череп, потирая кулаки. – Надоело тут тухнуть. Руки чешутся.

– Мыться пробовал? – ехидно вставил Лукавый.

– Заткнись, урод! – сквозь зубы прошипел Череп, шагнув к нему, но Топор поднял руку, примирительно.

– Тихо, парни. Потерпите. Скоро повеселимся... – он обернулся назад, к юнцу.

– Ты, как там тебя... Терент, да? Слушай сюда. Заходим быстро, тихо. Цель убираем. Кто мешает – туда же. Ты на рожон не лезь, не маячь под ногами. Смотри, как работают настоящие воры. Глядишь, научишься чему-нибудь, если не обосрёшься.

– Ага, – подхватил Лукавый. – Смотри и учись, как взрослые дяди весело проводят ночь. И не бзди!

Терент снова промолчал.

Внезапно в небе, далеко за деревьями, взвилась горящая стрела. Маленький огненный язык рванул вверх, рассек ночь – сигнал.

Слева и справа от их укрытия задвигались тени. Согнувшись, фигуры людей начали перебежками приближаться к дому, растворяясь в мраке.

– Двинулись, – коротко сказал Топор и первым вышел из леса. Остальные последовали за ним.

Под густым шёпотом команд один бандит подсадил другого, один за другим перелезали через забор. Послышался глухой звук удара, вскрик, ещё один. Охрана была уничтожена молниеносно. Ворота скрипнули и распахнулись изнутри. Топор вошёл, окинул взглядом двор.

– Вы – направо. Вы – налево. А мы – по центру. В живых никого не оставлять, ясно? – его голос звучал спокойно, но в нём была сталь.

У входной двери он не стал церемониться. Один мощный удар – и та, с грохотом распавшись, врезалась в стену. В доме раздались крики, сдавленные вопли ужаса, затем визг женщин.

– Музыка для ушей, – довольно буркнул Череп.

Терент напрягся. Всё шло не по плану. Они должны были убрать цель тихо и быстро, дать сигнал – и уйти. Но Топор явно пришёл не просто убивать. Он жаждал страха, крика, крови.

Они быстро поднялись на второй этаж, ворвались в хозяйскую спальню.

– Кто вы такие?! Убирайтесь! – раздался голос, затем глухой удар, предсмертный хрип.

– Этот готов, – спокойно бросил Топор, вытирая нож.

– Ну что, парни, теперь – самое интересное, – сказал он с мерзкой ухмылкой. – Где у нас тут девичьи комнатки?

Они обшарили несколько спален – пусто.

– Уже слиняли... – зло прорычал Череп.

– Да куда они денутся – здесь где-то, – с ухмылкой ответил Лукавый – Найдём.

Они спустились на первый этаж и вышли во двор. Из сараев донеслись голоса.

– Топор! Здесь они!

Женский визг, мольбы о пощаде.

– Поощадим, конечно... – заорал Лукавый. – Сейчас все по очереди поощадим! – и захохотал, отвратительно, зверски.

– Пора уходить, – тихо сказал Терент, почти себе под нос.

– Не тушуйся, молодой, – усмехнулся Череп. – И тебе достанется. Боевое крещение пройдёшь, ха-ха!

Они втроём зашли в сарай. Последним остановился Череп, оглянулся – и замер.

Терент стоял в центре двора, в руках у него была стрела. Он поджигал её.

– Ты что творишь, мудака?! – крикнул Череп.

– Не смей! – зарычал Топор, шагнув вперёд. – Не вздумай!

Но Терент не слушал. Он вскинул лук, натянул тетиву до предела и выпустил огненную стрелу в небо. Она описала дугу и исчезла за крышей дома.

– Ну, скотина... – прорычал Череп. – Ты заплатишься за это!

– Уходим! – заорал Топор. – Все, уходим! – И добавил, бросив последний взгляд в сторону сарая: – Этих – на ножи.

Он развернулся и пошёл к воротам, в бешенстве ударив ногой по створке ворот.

Терент стоял, не двигаясь. Его глаза были холодны. Он сделал свой выбор.

Штаб «Серых Воронов» гудел, как потревоженный улей. В высоком зале, где стены были увешаны знаменами с серым вороном на чёрном фоне, шумели десятки голосов. Кто-то спорил, кто-то смеялся, кто-то сыпал проклятия, но все ждали – знали, что будет собрание.

На массивном деревянном кресле с высокой спинкой, украшенной резьбой и железными накладками, восседал Оломир. Его лицо было спокойным, но взгляд – холодным и цепким. Он не любил говорить зря. Поднял руку – и гул стих.

– Внимание, – сказал он негромко, но его голос разнесся по залу. – Я собрал вас всех здесь по просьбе Топора. Он хочет обратиться к вам, хочет сказать нечто важное...

В зале прошел еле заметный ропот. Все повернулись в сторону массивной фигуры. Топор встал. Широкоплечий, бородатый, с огромными руками он возвышался над головами присутствующих. Голос его был грубым и хриплым:

– Братва! – начал он, глядя в глаза каждому. – Все мы тут честные воры, выдавшие многое. Когда мы идём на дело каждому из нас хочется верить, что за спиной – надёжный кореш, который прикроет в случае чего. Тут по-другому просто нельзя. От единства зависит наша жизнь и успех всего дела!

– Верно! – с одобрительным гулом вторила толпа.

Топор продолжил, повышая голос:

– Но среди нас завелась гнида, которая не разделяет нашего взгляда на мир, которая считает, что наши воровские устои не важны! – он резко поднял руку и указал на Терента. – Вот она, эта гнида!

Толпа загудела, послышались выкрики, свист. Кто-то хлопнул ладонью по столу.

– Он нарушил наш порядок! Он не подчинился звеньевому – мне! Он сделал всё по своему, по своей дурной голове. Он не дал парням того, что причитается им по праву победителя. пожалел двух баб для своих товарищей! Мы рисковали жизнью, а он решил, что может отменить общие правила. Так нельзя! Так не должно быть!

– Согласны! – завопила толпа. – Прав Топор!

Оломир медленно поднялся с кресла, вскинул руки.

– Тихо, тихо – он повернулся к Теренту, – Не пойму, каких баб вы не поделили?

Терент встал. Высокий, мускулистый, с холодным и собранным лицом. Его голос был ровным, почти отстранённым:

– Я не пожалел тех баб, – сказал он. – Мне на них плевать. Но мне не плевать на план, который ты, Оломир, утвердил. Задача была: быстро зайти, устранить цель, подать сигнал и уйти. Всё чётко и ясно. А что они сделали? Начали резню. Потратили время на поиски дочерей хозяина дома. А потом ещё захотели развлечься с ними, как будто на пикник пришли.

Оломир, смотрел и его взгляд тяжелел с каждым словом Терента, наливался яростью.

Терент продолжал:

– Ты сам говорил: «войти – и выйти, как ветер». А мы стали смерчем, и этим чуть не сорвали операцию. Я следовал плану. Твоему плану, Оломир.

В зале наступила мёртвая тишина.

Оломир кивнул, перевёл взгляд на Топора:

– Это правда?

Топор стоял, развёл руками, не сказав ни слова.

Оломир взревел, голос его был как удар грома:

– Когда я что-то говорю – это закон! Услышал меня, Топор?

Топор опустил голову.

– Если я говорю – уходим быстро, значит, мы уходим быстро! Мы ждали вашего сигнала. Я уже начал думать, что вы там в засаду попали, а вы с бабами развлечься решили? Охренеть! Ещё бы минут пять – и всё пошло бы прахом. Иногда минуты решают успех или провал операции. Если в этот раз сказано сделать быстро, то так и нужно делать! Неужели так сложно воспринимаются мои слова, Топор?

Он встал, осмотрел толпу. Его взгляд был стальным.

– Всех касается! Кто не может или не хочет воспринимать мои слова всерьез, с тем будет разговор короткий.

Он вновь посмотрел на Топора.

– Мне тут всё ясно. Топор, с тебя снимаю половину твоей доли и отдаю ее Теренту. В следующий раз штрафом не отделаешься! На этом всё!

Оломир привстал со своего кресла.

Толпа зашептала, кто-то удивлённо поднял брови. Топор побледнел. Его руки сжались в кулаки, вены вздулись, лицо перекошилось.

Он шагнул вперёд, голос у него дрожал от ярости:

– Нет, Оломир. Не всё! Я закон знаю, и потому не порешил его на месте. Я пришёл к вам, к братве, на общее собрание – как и положено. Штраф я приму. Но оскорбление, которое он мне нанёс, – нет. Я требую права на поединок. И никто, даже ты, Оломир, не вправе лишать меня этого права.

В зале – звенящая тишина. Взоры метались между Топором, Терентом и Оломиром.

Оломир медленно опустился обратно в кресло. Потёр переносицу, как человек, уставший от людской глупости. Потом выдохнул:

– Ну что же... Ты прав.

Он поднял глаза на Терента:

– Принимаешь вызов?

– Конечно, – ответил Терент спокойно. – С радостью.

Толпа взревела от предвкушения. Возбуждённые выкрики, свист, смех – всё слилось в гул, похожий на рокот приближающейся бури. В центральной части зала, где обычно стояли длинные столы и скамьи, всё было стремительно расчищено. Массивные дубовые столешницы оттащили в стороны, стулья перевернули, скамьи сдвинули к стенам. Кто-то из старших звеньевых следил, чтобы вокруг арены осталось свободное пространство. Люди отступили в разные стороны, образовав большой пустой участок для поединка.

Терент молча шагнул вперёд. Он шёл неторопливо, без спешки, словно вовсе не на поединок, а просто на прогулку. Застыл посреди арены, слегка опустив голову, будто вслушивался в ритм зала, ловил пульс напряжения. Руки его висели свободно, расслабленно. Он не производил впечатления бойца, готового к бою – но в этом спокойствии была какая-то уверенность.

С противоположной стороны выступил Топор. Его плечи, будто две каменные глыбы. В каждой руке – по боевому топору с изогнутым лезвием, их края поблёскивали в тусклом свете факелов. Дыхание его было тяжёлым и шумным, глаза – налились кровью. Вид у него был настолько угрожающим, что многие бы ретировались только взглянув на него. Он смотрел на Терента, как на добычу. Лицо его перекошилось от ярости.

– Сейчас ты захлебнёшься своей кровью... – процедил Топор сквозь зубы, его голос был сиплым и низким.

Терент не ответил. Только чуть заметно усмехнулся, как будто услышал очередную шутку.

– Порвиии его! Топор, рви!! – орали из толпы.

Топор двинулся вперёд. Приблизившись к Теренту, он резко ускорился. Он занёс топоры – целясь в голову – и обрушил их вниз с такой силой, что, если бы удар достиг цели, от Терента осталось бы одно воспоминание. Несмотря на внушительную комплекцию, это получилось у него очень быстро. Но...

Терент был уже не там.

Он нырнул под руку Топора, скользнул, как тень, и оказался у него за спиной. Прежде чем тот успел обернуться, Терент ударил кулаком в рёбра. Удар был точным и сильным, но Топор будто не почувствовал боли. Только лишь удивлённо замотал головой ища своего противника.

– Где он?.. – пробурчал Топор, разворачиваясь.

Повернувшись, он вновь кинулся на своего обидчика. Вновь нырок, опять удар – и на этот раз пинок под зад. Топор покачнулся вперёд. Из толпы раздался взрыв хохота, кто-то зааплодировал.

– Вот тебе, бычара! – кричали из зала.

Топор побагровел. С диким криком он бросался на Терента, всякий раз промахиваясь по нему. Терент был слишком быстр. Он словно скользил по воздуху, избегая атак с грацией зверя. Топор бил вслепую, с каждым ударом теряя темп, силу, дыхание.

– Дерись, как мужик! – орал он в бешенстве. – Хера ты скачешь?!

Но Терент не отвечал. Он молча уклонялся, подставляя себя под удары лишь затем, чтобы мгновением позже исчезнуть из зоны поражения. Он использовал энергию Топора против него самого, вовремя уклонялся, когда тот пытался навалиться на него всем телом. В итоге Топор улетал на пол не найдя опоры. Зрители ревели. Топор всё больше уставал. Он задыхался, его грудь ходила ходуном. Руки начали дрожать, топоры казались теперь свинцовыми. Он согнулся, опираясь руками на колени.

А Терент даже не дышал чаще обычного. Он стоял спокойно, будто наблюдая за чужой работой.

И вот – финал.

Терент вытащил меч. Металл зазвенел, когда клинок покинул ножны. Толпа охнула – все уже поняли, чем закончится этот поединок.

Топор похоже тоже понял. Он сжал челюсти, выпрямился, собрал остатки сил. Последний рывок. Последняя надежда. Он бросился вперёд с рёвом, как раненый зверь, поднимая оба топора над головой.

Уклон, поворот, взмах мечом – и вот уже Топор опустился на колени. Живот его был вспорот, руки безвольно свисали. В глазах удивление и осознание скорой смерти. По штанам потекла кровь.

Ещё взмах меча и тело Топора рухнуло на пол, но уже без головы. Лужа крови медленно растекалась под неподвижным телом.

Толпа замерла. Гул и смех исчезли. Наступила мёртвая тишина.

Оломир поднялся со своего кресла, обвёл всех взглядом:
– Ну вот и разобрались, – произнёс он сухо.

Он повернулся и вышел из зала, не оборачиваясь.

Люди начали расходиться. Кто-то молча, кто-то с опущенной головой, кто-то с блуждающим взглядом. Зал, ещё мгновение назад гудевший, стал пустым, холодным, пропитанным запахом крови и стали.

В центре остался только Терент. Он стоял неподвижно, опустив меч. Потом неспешно вытер его об одежду мёртвого и, не глядя на тело, ушёл прочь.

Арена опустела. Но память об этом вечере – осталась в головах каждого.

15. Воспоминания о прошлом

Федька и Юрка сидели на мягкой, тёплой траве. Перед ними, пыхтя и ворча себе под нос, возился с палаткой плотный, массивный мужчина, который привез старика в телеге. Его лоб блестел от пота, рубаха прилипла к телу.

Палатка не желала поддаваться: стойки путались, верёвки скручивались в узлы, ткань всё время сползала. Мужик тяжело дышал, с каждым шагом всё громче ворчал, а мальчишки, наблюдая за этим представлением, едва сдерживали смех, время от времени обменивались взглядами и ухмылками. Они как-то сразу подружились. В последних днях было слишком много напряжения, слишком мало простых слов. Эльяр, с которым Федька пытался завести беседу, был совсем неразговорчивый. А Юрке и вовсе не с кем было поболтать – всё что он обычно слышал это наставления и приказы. Но сегодня, Осип отпустил его на целый день. Это было настолько необычно и неожиданно, что Юрка сначала не поверил своим ушам. Но раз Осип предложил такое, то соглашаться нужно было мгновенно – пока не передумал.

Толстяк, отчаявшись, с шумом опустился на траву, вытирая лоб платком и пыхтя, как старая меховая кузница. Немного отдышавшись, он повернулся к ребятам и, хитро прищурившись, подал голос:

– Эй, молодёжь! Предложение века! – он расплылся в добродушной улыбке, обнажив мелкие кривые зубы. – Поможете мне с этой... дрянью, – он ткнул пальцем в кособокую палатку, – а я вас угощу отменной ветчиной с чаем. Ветчина – пальчики оближешь. По собственному, между прочим, рецепту. Секретному!

Юрка и Федька переглянулись.

– Легко, – произнес Юрка. Он вскочил на ноги и подошёл к толстяку, весело протянув руку:

– Я Юра. Или Юрка. Или Юрец – как вам удобнее. А это – мой лучший друг, Фёдор. Мы с ним сто лет знакомы, да, Федь?

Он подмигнул, и Федька в ответ ухмыльнулся.

– Мы согласны! – добавил Юрка. – Только одной ветчины мало. Ещё расскажите нам что-нибудь о прошлом, о банде и её приключениях. Я страсть как люблю всякие рассказы!

Толстяк рассмеялся гортанным грудным смехом:

– Ну, это запросто, – сказал он, устраиваясь поудобнее на траве, словно собирался слушать, а не говорить. – Этого у меня, как грязи под телегой. Я, можно сказать, в этой банде всякое повидал. Болтать – не мешки ворочать.

Он вытянулся на спине, закинул руки за голову, глядя в небо, где лениво плыли облака, и представился:

– Николай я. Или дядя Коля, если так по-домашнему.

Федька и Юрка уже начали устанавливать палатку с ловкостью, которой мог бы позавидовать любой солдат, а дядя Коля продолжал, с ленцой в голосе:

– Вам что больше нравится, байки или реальные истории? Байки то они поинтересней будут, а вот реальность обычно не такая красочная. Но... порой тоже за душу берет. Иногда... – он замолчал, переведя взгляд на них, – иногда в реальности такое случается – ни один сказочник не придумает.

– Нам реальные истории, пожалуйста, – сказал Федыка.

– Ну что же, – начал Николай, поудобнее устроившись на траве и поправив съехавший набок ворот рубахи. – Слушайте, парни. Хотите правду – будет вам правда. Теперь -то уж можно, я думаю – столько лет прошло. Уж многие и не знают о серых воронах. Прошлое банды уже так поросло легендами и небылицами, что порой и сам не знаешь где правда, а где вымысел. Всё равно вам никто не поверит, если начнёте потом кому пересказывать. Только вот предупреждаю сразу: не всё в истории банды красиво и приятно.

Он помолчал немного, словно вспоминая давно забытые лица, запахи, голоса.

– Банда у нас была... серьёзная, – наконец выдохнул он. – Не сборище пьяниц или шалопаев с большой дороги – нет. Всё по уму, всё по делу. Своя иерархия, дисциплина, правила, – и очень жесткие. Так просто к нам не попадёшь. Зато уж если попал – назад дороги не было.

Юрка с Федыкой переглянулись, не перебивая.

– Люди там были... разные. – Николай понизил голос. – И умельцы, и отморозки. Громилы, взломщики – кого только не было. Мы брали караваны, устраивали налёты, устраняли... цели, как тогда говорили. А по-простому – убивали. Убирали тех, на кого поступал «заказ». Чиновники, купцы, банкиры... Святош среди нас не водилось. Каждый по уши в крови, просто на ком-то больше, на ком-то – чуть меньше.

Он прищурился, глядя куда-то в пустоту:

– Я попал в группу Рейнара. Тот сам выбирал, с кем работать. Был у нас звеньевым – это значит командовал своей отдельной группой. Рейнар был человек особенный. Холодный как лёд, рассудительный, жёсткий, но справедливый. Он ценил чистую работу. Мы не грабили трактирщиков, не сжигали деревни – нас посылали туда, где требовалось всё сделать потихому. После нас редко оставались свидетели, но и крови старались избегать. Старались, да не всегда получалось.

Он вытер лоб краем рукава и криво усмехнулся:

– Были и такие случаи, когда всё шло наперекосяк. Ждали, что дом будет пуст, а там кто-то оказался. Или караван задержался, и стража удвоилась. Тогда уж приходилось резать, куда деваться. Быстро, решительно, без шума. Такое вот «по-тихому».

Николай замолчал на мгновение, обводя взглядом ребят, словно проверяя, не сбежали ли они от его слов. Но Юрка слушал с горящими глазами, а Федыка – задумчиво, сдержанно, но с не меньшим вниманием.

– А вы на меня не смотрите так, – сказал Николай, усмехаясь уже добродушнее. – Сейчас я, конечно, пузатый и неуклюжий – вон, палатку в одиночку победить не могу. Но тогда... эх, вы бы видели. Стройный был, быстрый, в любую щель мог пролезть, любой замок взломать. Рейнар меня первым к себе взял – сказал, мол, люблю, когда мои люди работают головой

и руками, а не только кулаками. Гордился я этим. Вот такие дела. Это вам не байка у костра. Это жизнь. Такая, какая она есть.

– А главным у нас, – продолжил Николай, понизив голос и чуть приподнявшись на локте, будто от уважения к самому имени, – был Оломир.

Он замолчал, как будто дал этому имени прозвучать в воздухе, и только потом продолжил:

– Ну, парни... Это надо было видеть. Не человек – гора. Ростом под два метра, плечи как дверной проём, руки – как балки перекрытия, мускулы, будто из камня вырезанные, и при этом двигался он с такой лёгкостью, с какой кошка крадётся по крыше. Ни капли жира. Одно сплошное оружие, заточенное и беспощадное.

Юрка вытаращился, Федька слушал, затаив дыхание.

– Вы думаете, я тут вам лапшу вешаю? Приукрашиваю? Ха! Ничуть, – Николай махнул рукой. – Я и сам сначала не верил. Пока не увидел. Такому лучше не перечить, лучше не спорить, не пересекаться в гневе. Это была настоящая машина для убийств. Но не тупая, как может показаться. Если бы он захотел, мог бы быть отличным командиром в армии. Или бойцом на арене. Но он выбрал другое.

Он понизил голос, словно делился чем-то священным:

– У нас в одном из зданий был штаб. Не просто конура или подвал – целое укреплённое помещение. Там всё было – карты, склады, залы. И один зал был, вроде тренировочного. Те, кто хотел держать себя в форме, туда ходили. Ну а Оломир... он там жил, по сути. Каждое утро – ещё солнце не всходило – он уже там. Или если не в зале – значит в катакомбах. Он знал катакомбы как свои пять пальцев. Мог пропасть на два дня, а потом выйти из тьмы как будто только что отдохнул. Уверенный, спокойный, в глазах тишина – такая, что от неё холодок по спине.

– Но, чтобы вы понимали, кто это был на самом деле, расскажу вам одну историю.

Николай на миг прикрыл глаза, вспоминая, а потом заговорил медленно, почти нараспев:

– Как-то раз один из звеньевых – тоже не пальцем деланный – начал качать права. Что-то ему не понравилось. Может, доля показалась маленькой. А может, Оломир грубо с ним обошёлся. Не знаю. Но факт в том, что тот звеньевой в открытую заявил претензию. И не один. С ним пришли его люди из группы. Итого восемь человек. Они встали перед Оломиром и начали требовать каких-то объяснений.

Николай приподнял брови, посмотрел на Юрку и Федьку, как бы спрашивая: ну как думаете, что было дальше?

– А Оломир только кивнул. Мол, хорошо, давайте объяснимся. И вытащил меч. Не закричал, не стал спорить. Меч у него был особенный – широкий, как весло. И вот на моих глазах начинается бой. Без слов. Только удары.

Николай перевёл дух и добавил:

– Восемь человек. Восемь!... И ни один не выжил. Он их порезал, как овец. Быстро. Хладнокровно. Одному ударом отсек голову, другого проткнул насквозь. Один пытался бежать – не успел добежать до двери. И всё это... без крика, без ярости. Спокойно. Как будто это что-то обыденное.

Юрка судорожно сглотнул. Федька нахмурился.

– Но – и это важно, – добавил Николай, понизив голос до шёпота, – он не был тупым мясником. Не подумайте. Таких у нас тоже хватало – будьте уверены. Но не в его случае. Чтобы такой бандой управлять – мало быть страшным. Нужно быть умным. И вот это у него было. Он умел слушать. Умел ждать. Умел стравливать и держать в узде. Боялись ли мы его? Да. Но ещё больше – уважали. Потому что знали: если с ним – живёшь. Если против – умираешь.

– Вот так, ребятки, – протянул Николай, вновь вытянувшись на спине. – Таким был наш Оломир. Не просто сила. Сила с умом. А это страшнее, чем просто сила.

– А сколько вас в группе-то было? – с любопытством спросил Федька.

Николай хмыкнул, перекатился на бок, облокотился на локоть и начал загибать пальцы:

– Ну, давай считать. Рейнар – звеньевой. Голова у него варила, о-го-го как. Всегда спокойный, точный. Никогда не кричал, не размахивал руками. Говорил – слушали. Сказал «всё» – значит, всё. Это один.

Он загнул палец, перевёл взгляд в небо, будто выискивая имена на облаках.

– Игнат – это два. Да-да, тот самый, что теперь в рясе разгуливает и молитвы шепчет. – Николай фыркнул. – Господи, хоть бы перед нами не позорился... Перед теми, кто знает, кем он был на самом деле. Кто видел, сколько крови на его руках. Он был хорош в бою, хладнокровен, аккуратен. Но вот теперь маска праведника – прилипла, как банный лист. Впрочем, каждому своё.

Следующий палец.

– Терент – это три. Наш самый техничный боец. Не здоровяк, не бугай, а настоящий филигранщик по части боя. Слово он не мечом махал, а иглой вышивал. Ловкий, молниеносный. Бросишь на него взгляд – вроде обычный, молчаливый. А на деле... страшно представить, что он может, если захочет. Такой человек и с голыми руками тебе троих вырубит, прежде чем те успеют глазом моргнуть.

Четвёртый палец.

– Я, ваш покорный слуга, – Николай хлопнул себя по животу и усмехнулся. – Тогда стройный, прыткий, ловкий. Мастер по замкам. Мог открыть любой замок, дверцу, сундук или кандалы. Была бы только мотивация. Сейчас, конечно, от того шустрого паренька разве что воспоминания остались.

Он загнул пятый палец.

– Остап – это пять. Тоже не из простых. Использовался для внедрения в чужие круги. Он был, знаете... артист. Менялся на глазах. Один день – купец, другой – трактирщик, третий – циркач. Говорить умел так, что сам себе верил. Втирался в доверие, выуживал нужную информацию, выводил нужных людей на чистую воду. Станный он, конечно, был. Даже тогда. Но дело своё знал.

И шестой.

– Ну и Большой Бо. Чистая сила. Тараном пройдёт – за ним только пыль и кости останутся. Если надо было снести дверь, стену – это к нему. Удобно с золотом уносить ноги. Он как мул – на него можно было грузить поклажу в огромных количествах, и он это всё тянул. Молча без ворчания. Его, кстати, я здесь не видел... Может ещё не дошёл. А может, не захотел. А может ему письмо не присылали. Да и жив ли он – не знаю.

Он убрал руку, сжав кулак, и добавил:

– Вот и вся наша шестерка. Нам больше и не нужно было. Повторюсь, мы не силовая группа, не те, что врывались с криками и топорами наперевес. Мы – тихие. Интеллектуалы, можно сказать. Нам поручали дела, где требовалась тишина, точность, голова. Ну, и немного крови, если уж без неё никак.

Николай замолчал, улыбаясь чему-то в памяти, потом снова взглянул на мальчишек:

– Ну а если что-то пойдет не так, то по силовой части, у нас было два столпа: Большой Бо – грубая мощь, и Терент – мастер ближнего боя. Вот они вдвоём стоили десятка обычных бандитов. Без преувеличений. Терент, к примеру... Вот он и сейчас, по всему видно, в отличной форме. Я поражаюсь ему. Уже не двадцать лет – а по нему не скажешь. Всё такой же сухой, сосредоточенный, быстрый.

Он понизил голос, стал чуть задумчивей:

– Но по натуре – одиночка. Всегда сам по себе. Не сказать, чтоб злой, просто закрытый. С ним по душам не поболтаешь, как мы сейчас. Он сдержанный. Непроницаемый. Но люди ведь не обязаны быть такими, как нам удобно, верно? Дело своё он знал. И знал его на отлично.

Николай чуть подался вперёд, заговорил медленно, почти с благоговением:

– Вот если бы они – Терент и Оломир – когда-нибудь сошлись в настоящем бою... Вот это зрелище я бы не пропустил ни за что. Двое титанов. Оломир – сила и грация, звериная, хищная. Он и мечом владел, и телом. А Терент – холодная техника, скорость, выверенность. Один удар – и человек валится. У него каждый шаг – как в шахматной партии.

Он на мгновение замолчал, будто представляя себе эту невиданную схватку.

– Причём что интересно... Оломиру тогда было уже сорок с хвостиком. За плечами – десятки боёв, годы власти. А Терент был тогда молод, полон сил, но ещё не до конца раскрыт. Такой дуэли в жизни не было. Но если бы случилась... не знаю, на кого бы поставил. Честно.

Он вздохнул, откинулся назад и прикрыл глаза.

– Но, может, к лучшему, что не случилась. А то б кто-нибудь из них точно не пережил.

– А старик, что с вами приехал... – вдруг спросил Юрка, разворачивая второй свёрток палатки. – Он кем был? Он тоже в вашей группе?

Николай, до этого лёжа глядевший в небо, повернулся на бок, глянул на мальчишку с интересом.

– А, ты про Ивана Савича? – переспросил он, расплывшись в задумчивой улыбке. – Нет, парни, он не был ни в какой группе. Он был... другим. Особым. Кем-то вроде казначея, если

по-простому. Бухгалтером, если хотите. Но только не тем скучным, что за столом с бумагами пыль глотает, а настоящим хранителем баланса в банде.

Федька уже закреплял стойку второй палатки, а Юрка, присев на корточки, слушал, чуть приоткрыв рот.

– Это он выдавал каждому его долю после дела, – продолжал Николай. – Кто сколько заслужил – всё шло через него. Он записывал. Всё! До последнего медяка. Не ошибался никогда. Снабжение банды – провиант, оружие, обмундирование – всё это было его поле деятельности. Не на передовой, но без него ни один выезд не состоялся бы.

Николай на мгновение замолчал, глядя, как палатку ловко ставят двое мальчишек.

– Он был спокойный. Уравновешенный. Не суетился. Мог часами сидеть, молча писать или просто думать, а потом выдать такой совет, который спасал полгруппы от гибели. Умный... и, знаете, по-настоящему мудрый. Не тот, кто читает умные книжки, а тот, кто жизнь прожил и выводы сделал. С ним советовались и Рейнар, и даже сам Оломир.

– Правда? – приподнял брови Юрка. – Даже Оломир?

– Говорили, – кивнул Николай, понижая голос, – что он имел на Оломира влияние. Не знаю, насколько это правда, но все в банде его уважали. Никогда не повышал голос. Никого не унижал. Но если он смотрел на тебя – ты невольно чувствовал, что перед тобой кто-то... больший. Не по званию, нет. По весу. Вот вторая палатка как раз для него. Сам он сейчас стар, уж слишком стар, чтобы возиться с верёвками. Но глаза у него по-прежнему блестят. Всё так же горят интересом. Загадками. Людями. Истиной. Он разберётся во всём, уж поверьте.

Николай перевёл взгляд куда-то вдаль, стал серьезнее:

– Я вот надеюсь... что скажет за меня словечко. Замолвит. Его-то послушают. Меня – вряд ли. Кто я теперь? Старый кабан, без должного статуса. Силой мне не выбить своего куска. Только его слово может что-то решить. Столько лет прошло, а судьбы до сих пор на нём завязаны. Представляете?

Он вздохнул тяжело, потёр лицо, и уже тише продолжил:

– Вот такие люди тут собрались. У каждого – своя история. О каждом можно рассказать целую повесть... Кроме меня.

Он усмехнулся, но в голосе слышалась горечь:

– Я, когда банда распалась, решил завязать. По-честному жить. Женился. Дети появились. Трое. Работал, как проклятый. Сначала на плотничьих работах, потом был на стройке, потом грузчиком... Кем только не был? А богатства так и не нажил. Как говорят, своим трудом только горб себе и заработаешь. И это правда, парни. Горькая, но правда.

Он посмотрел на Юрку и Федьку с искренностью, в которой звучала и боль, и смирение:

– Не поймите меня неправильно. Я не говорю, что разбоем надо заниматься. Не дай бог. Но и думать, что честный труд принесёт достаток – глупо. Хочешь богатства – нужна хватка. Умение, которое дано не каждому. Вот, например, Рейнар. Сейчас он купец. Богач. Дома, слуги, караваны. А почему? Потому что знал, как. Потому что у него жилка была – как нынче говорят.

Николай замолчал, сжал губы в тонкую линию, а потом, уже почти шепотом, добавил:

– А у меня ума хватило только на физический труд. Работы не боялся. Много умею, а что не умею – тому научусь – такой у меня был девиз. А сейчас понимаю, что это неправильный подход. Учиться нужно не руками работать, а головой. Надо учиться не работать, а зарабатывать. Вот как-то так.

Тем временем Федька аккуратно расправил ткань у входа в палатку старика и кивнул:

– Палатки готовы.

Николай, словно очнувшись, хлопнул по колену и выдавил улыбку:

– Ну, молодцы! Спасибо, парни. Доброе дело сделали. Может, и запомнится вам этот разговор, а может и нет. А теперь пришло время полакомиться свежей ветчинкой.

В этот момент из ближайших кустов донеслось шуршание – кто-то медленно и неуверенно продирался сквозь ветви. Через пару секунд над травой показалась всклокоченная голова – спутанные волосы, красные глаза. Это был Остап.

На его лице не осталось и следа от прежнего лукавства и показной удалости, с которой он несколько часов назад разыгрывал перед всеми сцену прибытия каравана. Теперь он выглядел паршиво – руки его тряслись мелкой дрожью, синюшное лицо и мешки под глазами.

Он огляделся, увидел у костра Николая и пацанов, и медленно двинулся в их сторону.

– Здорово, честной компании... – буркнул он, подойдя почти вплотную. Голос был глухой, без энергии. – Что за собрание? И опять без меня!

Федор начал подниматься, чтобы освободить место и, возможно, удалиться подальше. Но Остап, заметив это движение, вскинул руку:

– Куда-куда? Ты чего, парнишка? – в голосе его зазвучала обида, не наигранная, настоящая. – Чего вы все от меня шарахаетесь? А? Разбились все по кучкам, шепчетесь, смотрите исподлобья... Секреты у них! А как же я?

Он остановился, устало опустив плечи.

Николай отозвался первым, стараясь сгладить неловкость:

– Да ну тебя, Остап. Присаживайся, брось. Какие секреты? Мы тут просто байки травим – из прошлой жизни. Пацанам интересно, да и мне, если честно, приятно вспомнить.

Он подмигнул Федьке, давая знак: мол, всё под контролем.

– У тебя ведь наверняка есть что рассказать, – продолжил Николай, – Не может быть, чтобы ты в стороне от веселья оставался.

Остап уселся с кряхтением. Он провёл ладонью по лицу, потер виски и мрачно произнёс:

– Рассказал бы... Да только не весело мне, Коля. Голова, как барабан. Просто раскаляется! Вот честно – гул стоит, как будто оркестр репетирует. А эти сволочи... – он махнул рукой куда-то в сторону лагеря, не уточняя, кто именно, – взяли, да и вылили моё лекарство. Реакции моей хотят. Хрен им – не дождутся. Я им такого удовольствия не доставлю!

Он повернулся к Николаю с едва заметной мольбой в голосе:
– У тебя нет, а? Выручи старого друга... А, Коля?

Николай, уже понимая, к чему клонит Остап, снисходительно усмехнулся, медленно поднялся, потянулся с тихим кряхтением и направился к своим вещам.

– Лекарство, значит... Ну ладно. Для хорошего человека – не жалко.

Он наклонился к сумке, пошарил внутри и вытащил увесистую бутылку. Стекло было мутным, а жидкость внутри – ещё мутнее, с загадочным янтарным отливом. При виде этой бутылки у Остапа глаза тут же засветились, а лицо расплылось в счастливой, искренней улыбке.
– Да ты ж мой дорогой! Да дай я тебя расцелую!

– Стоп-стоп! – строго, но с юмором отрезал Николай, отступая на шаг. – Никаких поцелуев! На, держи. Только строго медицинское применение! Лечись экономно – больше нету.

Остап схватил бутылку. Приложился, сделал несколько уверенных глотков. Через пару секунд он выдохнул с облегчением, оближал губы и как будто преобразился на глазах: щеки немного порозовели, руки перестали трястись, глаза ожили.

– О-о-о... Ты мой спаситель! – прошептал он с наслаждением. – Чудо-человек. Я тебя не забуду, Николай.

Он ещё раз посмотрел на бутылку, прижал её к груди, потом перевёл взгляд на Юрку и Федьку. В глазах уже плясали искорки. Былой Остап, весёлый, артистичный, снова показывал нос из тени хмельного похмелья.

– Ну что, пацаны, – сказал он, довольно потирая руки. – Историю хотите? Будет вам история. Такую расскажу – потом ещё сами просить будете продолжение!

– Только не ту, где ты «случайно» оказался в женской бане, – пробурчал Николай, но улыбался.

– Не-не, – покачал головой Остап, – сегодня будет культурно. Почти. Но весело.

Он оближал губы, устроился поудобнее, сделал ещё один осторожный глоток и начал:
– Был у нас как-то случай в одном монастыре...

Остап рассказывал историю за историей и всё больше распалялся. Он размахивал руками, будто дирижировал невидимым оркестром, иногда вставал, чтобы продемонстрировать особенно важный момент. Глаза его сверкали, голос то замирал до заговорщического шёпота, то взлетал до театрального вопля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.